

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Отделение Российского исторического общества в г. Пензе

Пензенский край в истории и культуре России

Монография

Под редакцией О. А. Суховой

Пенза
Издательство ПГУ
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2Р354–4П)
П25

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
и этнологии Московского государственного педагогического института
им. М. Е. Евсевьева

Т. Д. Надькин;

доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой кадастра недвижимости и права
Пензенского государственного университета архитектуры и строительства

И. И. Маслова

А в т о р с к и й к о л л е к т и в:

*С. В. Белоусов, В. А. Власов, В. Г. Волков, К. Г. Гаврилов, Т. В. Гаврилова, Г. В. Гарбуз,
Г. Е. Горланов, В. П. Догаева, В. А. Дятлов, Т. А. Евневич, Е. Е. Жаринова, А. С. Касимов,
В. В. Кондрашин, Е. В. Курицына, Д. В. Лебедева, Л. В. Лебедева, Т. Ю. Новинская, В. Н. Паршина,
А. В. Первушкин, В. И. Первушкин, В. В. Ставицкий, О. А. Сухова, Г. П. Тамбовцев,
Л. Ю. Федосеева, А. А. Филина, А. Г. Шариков, О. В. Ягов, Р. А. Якупов*

Пензенский край в истории и культуре России : моногр. / под ред. О. А. Су-
П25 ховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.

ISBN 978-5-94170-646-4

В книге представлены результаты современных исследований по истории Пензенского края с древнейших времен до конца XX в., раскрывается своеобразие исторического пути российской провинции, определяются ее место и роль в истории и культуре России. В связи с 350-летним юбилеем г. Пензы в центре внимания исследователей оказались социально-экономические, политические и социокультурные аспекты региональной истории.

Издание адресовано преподавателям вузов, учреждений начального и среднего профессионального образования, дополнительного образования, студентам и всем, кто не равнодушен к истории своей малой Родины.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2Р354–4П)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

доктор исторических наук, заведующая кафедрой новейшей истории России
и краеведения ПГУ *О. А. Сухова;*

доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического
факультета ПГУ *О. В. Ягов;*

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей
истории, историографии и археологии ПГУ *С. В. Белоусов;*

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России
и краеведения ПГУ *В. И. Первушкин*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского
Пензенского государственного университета*

ISBN 978-5-94170-646-4

© Пензенский государственный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ I. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII в.	10
§ 1. Древнейшие поселения на территории Пензенского края	10
§ 2. Русская колонизация Пензенского края	34
§ 3. Основание г. Пензы	39
§ 4. Создание системы укреплений на юго-восточной окраине Русского государства в XVI–XVII вв.	43
РАЗДЕЛ II. ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	59
§ 1. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г.	59
§ 2. Чиновничество Пензенской губернии в первой половине XIX в.	82
§ 3. Пензенская деревня во второй четверти XIX в.	85
§ 4. Бытовая культура населения Пензенской губернии	94
§ 5. Пензенский вклад в Золотой век русской культуры	104
§ 6. Становление библиотечного дела на территории Пензенской губернии	107
РАЗДЕЛ III. ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	111
§ 1. Реализация реформы 1861 г. в Пензенской губернии	111
§ 2. Буржуазно-либеральные реформы 1860-х – 1870-х гг. в Пензенской губернии	121
§ 3. Промышленный переворот и экономика края	149
§ 4. Развитие торговли в Пензенской губернии в пореформенный период	154
§ 5. Крестьяне Пензенской губернии в эпоху эмансипации	160
§ 6. Крестьянское движение в Пензенской губернии в пореформенный период	174
§ 7. Церковь и вера в повседневной культуре пензенского крестьянства на рубеже XIX – XX вв.	181
§ 8. Народное образование в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	190
§ 9. Книга в социокультурном пространстве Пензенской губернии в конце XIX – начале XX в.	209
РАЗДЕЛ IV. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ	218
§ 1. Губернская администрация в начале XX в.	218
§ 2. Уездный уровень местного управления в Пензенской губернии в начале XX в.	229
§ 3. Революция 1905–1907 гг. в Пензенской губернии	239
§ 4. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг.	246
§ 5. Пензенское крестьянство и столыпинская аграрная реформа	274
§ 6. Содержание массовых настроений в Пензенской губернии в период Первой мировой войны	291
§ 7. «Общинная революция» в Пензенской губернии. 1917–1918 гг.	306
РАЗДЕЛ V. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В 1920-е – 1930-е гг.	328
§ 1. Мятеж частей чехословацкого корпуса в г. Пензе в 1918 г.	328
§ 2. Крестьянское движение в Пензенской губернии в годы Гражданской войны	332
§ 3. Пензенское частное предпринимательство в 20-е гг. XX в.	340
§ 4. Власть и кооперация в Пензенской губернии в первой трети XX в.	345
§ 5. Восстановление и развитие частнохозяйственного мелкотоварного производства в Пензенской губернии в 1920-е гг.	348
§ 6. Повышение образовательного и культурно-технического уровня рабочих Пензенского края в начальный период реконструкции народного хозяйства	352
§ 7. 1933 год в пензенской деревне	360

РАЗДЕЛ VI. ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	373
§ 1. Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны	373
§ 2. Пензенцы на фронтах Великой Отечественной войны	375
§ 3. Трудовой подвиг пензенцев в годы Великой Отечественной войны	386
§ 4. Деятельность эвакогоспиталей и развитие донорского движения в Пензенской области в годы Великой Отечественной войны	401
РАЗДЕЛ VII. ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.	405
§ 1. Решение народно-хозяйственных задач в 1940–1950-е гг.	405
§ 2. Качество жизни населения в эпоху реального социализма (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)	409
§ 3. Амнистия 1953 г. и ее влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (по материалам Пензенской области)	418
§ 4. Они руководили Пензенской областью: Л. Б. Ермин и его команда	425
РАЗДЕЛ VIII. ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ	443
§ 1. Кризис потребительской системы в Пензенской области во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.	443
§ 2. Создание и деятельность органов местного самоуправления в г. Пензе в начале 1990-х гг.	462
РАЗДЕЛ IX. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В XX в.	469
§ 1. Ликвидация неграмотности в Пензенском крае	469
§ 2. Творческая и культурно-просветительская деятельность художественной интеллигенции Пензенского края	472
§ 3. Женщины в научной жизни Пензенского края (на примере Н. И. Спрыгиной и Н. Н. Ладыгиной-Котс)	488
§ 4. Русская православная церковь и советская власть	506
§ 5. Бытовая культура пензенского крестьянства	513
§ 6. Развитие физической культуры и спорта в Пензенском крае в XX в.	518

Предисловие

В 1973 г. коллективом авторов была предпринята первая попытка создания учебного пособия по истории Пензенского края¹. Хронологически тематика очерков, выстроенная в тесной связи с важнейшими этапами исторического пути нашей страны, охватила период с древнейших времен до конца XIX в. И, несмотря на определенные идеологические доминанты, в работе была очень грамотно решена проблема целостности и системности изложения исторических фактов, научной обоснованности материала, предназначенного в помощь школьному учителю и ориентированного на учащихся старших классов. В этом проекте приняли участие самые авторитетные исследователи и знатоки региональной истории: В. И. Лебедев, Г. Ф. Винокуров, В. С. Годин, А. Ф. Дергачев, П. Ф. Максяшев, П. Г. Сумерин, В. Ф. Морозов и другие.

Своим появлением «Очерки...» заложили традицию, крайне важную для формирования исторической памяти пензенцев, традицию публикации краеведческих пособий различного уровня сложности. Ее закономерным итогом в наш век стремительно развивающихся информационных технологий становится разработка электронных учебных пособий для учащихся 8–9-х классов, осуществленная коллективом Пензенского института развития образования. Текстовый материал, сотни иллюстраций, интерактивные карты – все это способствовало разрушению прежнего формата учебника и превращению учебного процесса в увлекательное путешествие в прошлое.

Спустя 40 лет после издания «Очерков...» на кафедре новейшей истории России и краеведения историко-филологического факультета ПГУ возникла идея продолжения этой работы при изменении концептуального видения существа проблемы. Сегодня настало время объединения усилий историков-краеведов, назрела

необходимость координации действий, направленных на формирование общего исследовательского поля, на котором исчезнут «белые пятна» и пустоты и, напротив, появятся новые ориентиры для молодых ученых, только начинающих свой путь в науку. И вот на суд читателя выносятся антология современного краеведения: исторические очерки, построенные по проблемно-хронологическому принципу, объединенные общей идеей. Хотелось бы надеяться, что данная публикация положит начало монографическим исследованиям по региональной истории. Это издание никак нельзя отнести к разряду сборников научных трудов, уничтожающих уникальность своих предшественников и тиражирующих хаотичность исследовательской практики.

С другой стороны, в основе концепции лежит идея необходимости выработки программы и методологии изучения истории Пензенского края. Тематика разделов не может претендовать на исключительный статус и не отражает всей полноты картины, дополнение которой и является задачей последующих изданий. Результатом долгой и трудной работы должно стать фундаментальное обобщающее исследование по истории региона.

Книга состоит из девяти разделов, отражающих различные аспекты региональной истории. Так, в разделе I «Пензенский край с древнейших времен до конца XVIII в.» раскрывается проблема колонизации Пензенского края, начиная с появления первых поселений на территории региона, время возникновения которых исследователи относят к эпохе мезолита. Влияние экологического фактора на освоение территории Сурско-Окского междуречья в § 1 «Древнейшие поселения на территории Пензенского края» рассматривает В. В. Ставицкий. Условия жизни, быт древнейших жителей края можно реконструировать по археологическим раскопкам мест захоронений и стоянок. Исследования позволяют определить антропологический облик людей, населявших регион в IV тыс. до н.э.

¹ Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX века. Пенза, 1973.

В нем преобладали черты, присущие древним финно-уграм. Ранний бронзовый век открывает регион для эпохи «великого переселения» степных и лесостепных племен, миграции которых изменили этнокультурную карту Сурско-Окского междуречья. Автор последовательно характеризует условия формирования и признаки древнемордовской культуры. Завершается повествование констатацией превращения региона в территорию противостояния русских княжеств и Волжской Болгарии.

§ 2 и § 3 раздела I написаны В. И. Первушкиным. Автор отмечает, что освоение русским населением территории Пензенского края наиболее интенсивно проходило в XVII в. Более подробно ученый остановился на проблеме происхождения гидронима *Пенза*, давшего имя новому городу на юго-восточной окраине Русского государства.

Процесс создания системы укреплений на территории Пензенского края (засечные черты) по материалам полевых исследований и на основе скрупулезного изучения документальных источников реконструирован в § 4. Текст подготовлен по работам известного пензенского краеведа В. И. Лебедева.

Раздел II «Пензенская губерния в первой половине XIX в.» начинается с характеристики положения Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 г. § 1 раздела II написан С. В. Белоусовым. Читатель сможет познакомиться с изменениями в административно-территориальном делении края, демографическими параметрами региональной истории начала XIX в., особенностями колонизации края в XVIII–XIX вв. и состоянием экономики региона. Уделяя внимание мельчайшим деталям повседневной жизни, автор досконально «вскрывает» историю войны с наполеоновской Францией через восприятие российской провинции.

Интересные аспекты социальной истории – истории сословий представлены в § 2 раздела II, написанном В. А. Дятловым. Автор анализирует особенности формирования и факторы карьеры пензенского чиновничества.

По другую сторону баррикад находилась пензенская деревня. История социального протеста и массовых настроений крестьянства представлена в § 3 раздела II (параграф написан О. А. Суховой). Автор

анализирует причины крестьянских выступлений, определяет типологию форм крестьянского сопротивления. В частности, к проявлениям обыденного сопротивления О. А. Сухова относит распространение слухов о царе-избавителе. В 1830-х гг. на территории Пензенской губернии фиксировались легендарные повествования о чудесном избавлении от смерти Великого князя Константина Павловича, выступавшего в контексте социальной утопии защитником крестьянства.

Пензенский вклад в «золотой век» русской культуры рассматривает в § 4 раздела II Г. Е. Горланов. На примере жизненного пути знаменитых земляков В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, Н. П. Огарева автор раскрывает тезис о существенном влиянии малой Родины (места, где прошли детские и юношеские годы, где сформировалось мировоззрение, особенности личностного восприятия, ценностные установки) на судьбу и творчество деятелей русской литературы.

Низкий уровень грамотности, книжной торговли, книгоиздания, периодической печати, несовершенство путей сообщения – такой перечень факторов, сдерживавших развитие провинциальной культуры в первой половине XIX в., представлен в § 5 раздела II. На основе анализа становления библиотечного дела в Пензенской губернии А. А. Филина показывает, как менялись горизонты информационного поля жителей края под воздействием факторов технологического прогресса.

Бытовая культура населения Пензенской губернии составляет предмет исследования В. Н. Паршиной. Этому вопросу посвящен § 6 раздела II. Автор проводит реконструкцию среды обитания пензенских обывателей: рассматриваются принципы планировки городов, интерьер жилища, питание, одежда, культура развлечений, развитие театральной деятельности.

Раздел III охватывает пореформенный период в истории Пензенского края. Либеральные реформы 1860–1870-х гг., положив начало процессу эмансипации российского общества, навсегда изменили жизнь российской глубинки, вместилища самых патриархальных устоев. Тематика параграфов раздела отражает сложность и противоречивость социальных процессов, обусловленных реформами. Так, в § 1, § 2 и § 6, написанных В. П. Догаевой, рассмат-

ривается реализация правительственных начинаний применительно к местным условиям, а также социальная реакция основной массы населения губернии на содержание и ход аграрной реформы.

А. С. Касимов сосредоточил свое внимание на проблеме влияния промышленного переворота на социально-экономическое развитие губернии во второй половине XIX в. (§ 3 раздела III). Развитие торговли в Пензенской губернии в пореформенный период анализируется в § 4 раздела III (параграф написан О. А. Суховой).

К вопросам серьезных изменений в повседневном укладе крестьянского быта, появления новых угроз жизнеспособности крестьянского хозяйства, трансформации содержания социальных представлений, и в первую очередь православной культуры, вызванной модернизационными процессами, обращается О. А. Сухова (§ 5 и § 7 раздела III).

§ 8 и § 9 раздела III посвящены анализу социокультурного развития региона. В. А. Власов и В. Н. Паршина остановились на характеристике развития системы народного образования в Пензенской губернии. Доступность образования для основной массы населения, рост грамотности становятся, пожалуй, самыми значительными факторами социальной динамики в провинциальной России (§ 8 раздела III). В этих условиях развитие сети библиотек будет выступать фактором, катализирующим процессы эмансипации (§ 9 раздела III написан А. А. Филиной).

Эпоха войн и революций в России и ее частное проявление в истории Пензенского края нашли свое отражение в разделе IV. В § 1 и § 2 на примере Пензенской губернии представлена характеристика системы местного управления и дана оценка эффективности властно-политического регулирования в условиях роста социально-политической напряженности в начале XX в. (параграфы написаны Г. В. Гарбузом).

Серьезно пошатнула опоры политического режима революция 1905–1907 гг. Проблему современной интерпретации революционных выступлений в Пензенской губернии раскрывает А. С. Касимов (§ 3 раздела IV).

О. А. Сухова обращается к анализу аграрного движения в Пензенской губернии в период 1905–1907 гг. и в последую-

щие годы. Автор приходит к выводу, что эпицентр протестной активности русского крестьянства в 1905–1907 гг. находился на территории Саратовской и Пензенской губерний. Столь масштабное участие пензенского крестьянства в революционных выступлениях и интенсивность протеста определяются прочностью института общины и соответствующей картины мира, присущей крестьянскому сообществу. Именно поэтому революцию 1917 г. автор предлагает назвать «общинной» (§ 4, § 5 и § 7 раздела IV).

В § 6 раздела IV представлена характеристика содержания массовых настроений в Пензенской губернии в период Первой мировой войны (О. А. Сухова).

История Гражданской войны в России берет свое начало с событий мая 1918 г., когда после восстания белочешского корпуса советская власть была свергнута на большей части территории России. Пенза стала самым ближайшим к Москве населенным пунктом, втянутым в военное противостояние. Российская глубинка неожиданно оказалась на передовой антисоветского фронта. Мятежу белочехов в Пензе посвящен § 1 раздела V (подготовлен А. Г. Шариковым).

Факторы, типологию форм протеста, содержание программных требований пензенского крестьянства, превратившегося в результате большевистской политики продовольственных экспроприаций в «третью силу» в Гражданской войне, анализирует В. В. Кондрашин (§ 2 раздела V). Автор приходит к выводу о том, что главным содержанием крестьянской революции была борьба крестьян за землю и право быть хозяином на ней.

Отдельным аспектам реализации новой экономической политики в Пензенской губернии посвящены § 3 (К. Г. Гаврилов), § 4 и § 5 (О. В. Ягов) раздела V. Авторы сосредоточили свое внимание на восстановлении и развитии в 1920-е гг. различных форм частнохозяйственной деятельности: от мелкотоварного производства до товарной биржи и кооперативных объединений, а также на проблемах политического регулирования пензенского предпринимательства. По мнению авторов, диалога между властью и предпринимателями в конечном счете не получилось. К концу 1920-х гг. намечается тенденция к огосударствлению экономики региона.

Важную в социальном аспекте проблему затрагивает в § 6 раздела V Л. Ю. Федосеева. Для периода 1920–1930-х гг. в истории Пензенского края характерна высокая степень социальной мобильности вследствие повышения общего уровня образования и культуры населения. Государственная политика в сфере подготовки новой советской интеллигенции способствовала появлению такого феномена, как назначенство, когда социальный лифт мог доставить вчерашнего рабочего или красноармейца на самые высокие должности в системе управления.

Страшную страницу в истории Пензенского края открывает в § 7 раздела V В. В. Кондрашин. Автор анализирует одну из самых актуальных в современной историографии проблем – проблему голода 1932–1933 гг. На основе уникальных документов, введенных в научный оборот в последние годы, а также материалов полевых исследований, проведенных В. В. Кондрашиным, раскрываются причины, масштабы, демографические и социальные последствия голодовки на территории региона. Проведенные автором расчеты показали, что жертвами голода в пензенской деревне стали не менее 30 тыс. человек.

Раздел VI продолжает тему величайших трагедий и одновременно подвига пензенцев. Здесь представлены материалы, посвященные вкладу Пензенской области в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны. В это время Пенза становится стратегически важным центром оборонной промышленности (в область было эвакуировано более 50 промышленных предприятий), местом для размещения раненых воинов. Участие пензенцев в военных операциях времен Великой Отечественной войны рассматривает в § 2 раздела VI Г. П. Тамбовцев. Перестройка хозяйства и управления, всей повседневной жизни населения области на военный лад представлена в § 1 раздела VI (подготовлен Т. А. Евневич). Вопросы героических будней наших земляков, оставшихся в тылу, анализируются в § 3 (подготовлен Е. В. Курицыной) и в § 4 (подготовлен В. А. Власовым).

В разделе VII представлены материалы, раскрывающие особенности развития области во второй половине XX в. Экономическое развитие региона, уровень благосостояния пензенцев в трудные послевоен-

ные годы характеризует Т. Ю. Новинская (§ 1 и § 2).

Уникальные материалы содержатся в § 3 раздела VII (подготовлен Е. В. Курицыной). Здесь характеризуется криминальная ситуация в области в условиях проведения амнистии 1953 г.

В современной историографии отмечается рост интереса исследователей к проблемам местного управления в советскую эпоху. При этом одним из определяющих становится тезис о роли личности в развитии того или иного региона. По мнению В. В. Кондрашина, новая политическая элита, состоявшая из «технарей», практиков, молодых партийных работников с высшим образованием и способная эффективно решать управленческие проблемы, сформировалась в регионе в 1950-е гг. В это время во главе области находился С. М. Бутузов. Особый период в истории Пензенской области связан с деятельностью Л. Б. Ермина на посту первого секретаря обкома КПСС (1961–1979). «Эпоха Ермина», в ходе которой и произошло окончательное становление индустриального потенциала Пензенской области, завершилось формированием инфраструктуры современного города, анализируется в § 4 раздела VII (подготовлен В. В. Кондрашиным).

Особый интерес вызывает обращение авторов к проблемам современной истории Пензенского края. Этим вопросам посвящен раздел VIII. § 1 раздела раскрывает причины и последствия кризиса потребительской системы в Пензенской области во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. (подготовлен Р. А. Якуповым). Формирование и деятельность новых органов местного управления и самоуправления в условиях распада советской государственности и начала независимого развития России анализируются в § 2 (подготовлен О. А. Суховой).

Самое серьезное внимание авторы книги уделяют проблемам социокультурного развития Пензенского края. Концептуально данные аспекты региональной истории рассматриваются в неразрывной связи с социально-экономическими и политическими процессами. Вместе с тем материалы, хронологически относящиеся к новейшему периоду, было решено выделить в отдельный раздел, что объясняется внутренним смысловым единством тематики и

целостностью построения теоретических положений.

В рамках раздела IX осуществляется анализ таких аспектов региональной истории, как ликвидация неграмотности в Пензенском крае (§ 1 написан Л. В. Лебедевой), творческая и культурно-просветительская деятельность художественной интеллигенции в 1920-е гг. (§ 2 написан Т. В. Гавриловой), политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1920-х гг. (§ 4 написан Д. В. Лебедевой), культура повседневности пензенского крестьянства (§ 5 написан Л. В. Лебедевой).

Впервые в региональной историографии на примере жизненного пути Н. И. Спрыгиной и Н. Н. Ладыгиной-Котс раскрываются гендерные проблемы развития науки в российской провинции (§ 3 написан Е. Е. Жариновой, Л. В. Лебедевой и В. Н. Паршиной).

Читательский интерес несомненно вызовет материал по истории физической культуры и спорта в Пензенском крае в XX в., представленный в § 6 (подготовлен В. Г. Волковым). Выстраивая периодизацию проблемы, автор приходит к выводу о том, что в 1990-е гг. позитивная динамика в развитии физкультуры и спорта была прервана рядом драматических событий. Наибольшую остроту ситуации вызвало резкое сокращение финансирования данной сферы.

Редакционная коллегия благодарит авторов за участие в написании книги и надеется на дальнейшее сотрудничество в деле создания научных трудов обобщающего характера и ликвидации пробелов в исторической памяти населения региона.

Раздел I. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII в.

§ 1. Древнейшие поселения на территории Пензенского края

Каменный век. Памятники эпохи палеолита на территории нашей области пока еще не выявлены. Однако обилие находок мамонтовой фауны свидетельствует о том, что условия обитания здесь в эпоху верхнего палеолита были достаточно благоприятными, поэтому открытие палеолитических памятников – дело ближайшего будущего, поскольку в ряде соседних областей (Рязанской, Саратовской, Ульяновской) подобные памятники известны. На территории нашего края древнейшие поселения относятся к эпохе мезолита.

Мезолит – средний каменный век, это эпоха между палеолитом и неолитом, время высочайшего развития техники отделения ножевидных пластин, получаемых с помощью отжима и усовершенствованного скола. Мезолитические микропластины отличаются от палеолитических меньшими размерами, параллельностью граней, тонкостью и прямизной профиля. Узкие, фрагментированные микропластины используются для изготовления составных, вкладышевых орудий: ножей, кинжалов, наконечников стрел и копий. Микролитические вкладыши вставляли в костяную или роговую оправу, где закрепляли их смолой или березовым дегтем. Использование подобных орудий экономило кремь, что было очень важно, поскольку ножевидные пластины с правильными параллельными гранями можно было получить только из его высококачественных пород, которые не имеют повсеместного распространения. Например, на Верхней Суре качественного кремня не было и его приходилось приносить сюда издалека. Кроме того, составные орудия были легче изделий, целиком выполненных из камня, что тоже было немаловажным фактом, поскольку мезолитическим охотникам нередко приходилось двигаться вслед за кочующими стадами северных оленей. Вместе с охотниками шли женщины и дети. Все свое приходилось нести с собой, в том числе и малолетних детей, поэтому они старались свести к мини-

муму вес поклажи, чтобы не было ничего лишнего. К тому же в случае поломки орудия можно было заменить один из вкладышей либо роговую основу орудия и снова им пользоваться. Из целых и более широких экземпляров ножевидных пластин изготавливали скребки для обработки шкур, наконечники стрел, острия, резцы для работы по кости. Отжатая от нуклеуса пластина имела ровные и острые края и могла использоваться в качестве режущего орудия без дополнительной подработки. Скребки делали не только на пластинах, но и на отщепках, которые были более пригодными для выполнения скребущих операций, так как отличались большей толщиной, а значит и прочностью. Наряду с ретушированием развивается техника микрорезцового скола. Ретуширование – как правило, краевое, одностороннее, не заходящее на спинку орудия. Получают распространение крупные рубящие орудия – топоры, тесла, долота (макролиты). В ряде культур появляется техника шлифовки, сверления и пиления камня, но она используется нерегулярно. Подшлифовывалось обычно только лезвие топора или тесла, само же орудие обрабатывалось методом двусторонней оббивки. Камень сверлили с помощью полой кости, подсыпая под нее мокрый песок. Таким образом, могли изготавливать боевые топоры-клевцы, грузила для сетей. Каменное сверленное грузило, в частности, найдено на стоянке у с. Суморьево на Нижней Мокше. Более разнообразной становится костяная индустрия. Широкое распространение получают костяные и роговые гарпуны, наконечники стрел и копий, кинжалы, ножи, топоры и тесла. Из рога вырезались муфты-посредники для каменных рубящих орудий. Основным охотничьим вооружением становится лук.

Начало мезолита в целом совпадает с началом голоцена, а его конец на разных территориях приходится на разное время. Общепринятым является двучленное деление мезолита – на ранний и поздний, что совпадает с датами климатических периодов: памятники пребореального и бореального периодов относятся к раннему мезо-

литу, памятники атлантического периода – к позднему. В раннем мезолите в каменном инвентаре стоянок еще велика доля палеолитических элементов, в позднем местами появляются элементы неолитической техники обработки камня. С экологической точки зрения мезолит является эпохой адаптации населения к лесу.

Территория Сурско-Окского междуречья в раннеголоценовое время входило в перигляциальную зону, и основным занятием раннемезолитического населения, видимо, была охота на крупные стада северных оленей, которые паслись на открытых пространствах холодных перигляциальных степей. Следуя за сезонными передвижениями оленьих стад, мезолитические группы населения совершали ежегодные «маятниковые» миграции с севера на юг и обратно. В 8213 г. до н.э. под напором вод Балтийского приледникового озера (моря) была прорвана ледяная перемычка, отделяющая Балтику от мирового океана. Теплые воды Атлантики хлынули в Балтийское море, и это событие привело к глобальному потеплению климата на территории Европы. С повышением температуры происходит распространение сосновых и березовых лесов, которыми быстро зарастали приледниковые степи. На смену северным оленям приходят лесные нестадные животные, загонная охота на которых была малоэффективна, так как требовала согласованных усилий большой группы людей. Раньше подобные затраты себя оправдывали, поскольку в случае удачной загонной охоты можно было убить до сотни, а то и больше, крупных животных. Теперь же загоном можно было охотиться только на лосей, а они не образуют больших стад. Поэтому широкое распространение получают индивидуальные виды охоты с помощью изобретенных еще в верхнем палеолите лука и стрел. Главной добычей становятся лоси, бобры, кабаны и водоплавающая дичь. Изменяется социальная организация населения. Происходит резкое увеличение количества мезолитических культур, связанное с сокращением численности палеолитических общин. Более полное освоение природных ресурсов в сочетании с благоприятными природными условиями атлантического периода приводит в позднем мезолите к демографическому скачку.

Древнейшие поселения, открытые на территории Пензенского края, вероятно,

относятся к завершающей стадии мезолита. Это стоянки Сядемка (Земетчинский район), Подлесное 1 (Бессоновский район), Большой Колояр 1 (Наровчатский район)¹. Кроме того, серия орудий мезолитического облика собрана с Пензенских неолитических стоянок. На Средней Мокше исследованы остатки небольшого, слабо углубленного в землю мезолитического жилища на стоянке Зарека 1 в Краснослободском районе Мордовии. К позднему мезолиту относится ряд стоянок, расположенных на Нижней Мокше. Большинство из перечисленных памятников связано с окским мезолитом. Малоосвоенные массивы леса Сурско-Мокшанского междуречья привлекали сюда и мезолитические племена Волго-Камья. По мнению А. Н. Сорокина, Примокшанье входило в кормовую зону пургазовской культуры, население которой использовало ее как свою охотничью территорию, совершая сюда миграции с по- речья Оки².

На территорию Посурья в мезолите, видимо, проникали племена, обитавшие южнее, что подтверждается находками на пензенских стоянках микролитических трапециевидных вкладышей, которые использовались в качестве лезвий для составных орудий либо как наконечники стрел. Подобные наконечники имели широкое поперечное лезвие, в результате чего их проникающая способность была ниже, чем у наконечников с заостренным пером. Поэтому, чтобы поразить животное, к нему нужно было подойти поближе. Зато такие наконечники наносили тяжелые рваные раны. Пораженное животное быстро погибало и не нуждалось в дальнейшем преследовании. С поперечнолезвийными наконечниками хорошо было охотиться из засады, при загонной охоте. Подобные наконечники широко распространены в Нижнем Поволжье и на территории степной зоны, где и в эпоху мезолита продолжали обитать стадные животные, но для культур лесной зоны такие наконечники достаточно редки.

Ранний неолит. Термин неолит (новокаменный век) был впервые введен англичанином Дж. Леббоком в 1865 г. для обо-

¹ Ставицкий В. В. Мезолитические памятники Примокшанья // Верхнедонской археологический сборник. СПб., 2007. Вып. 3.

² Сорокин А. Н. Мезолит Оки: проблема культурных различий. М., 2006.

значения заключительной стадии каменного века. По его предложению к эпохе неолита стали относить памятники, на которых имелись находки керамики, шлифованные и сверленные топоры. Со временем стало ясно, что шлифованные орудия появляются раньше, еще до изобретения керамики, а в неолите они только получают более широкое распространение, становятся совершеннее. Если в мезолите шлифовкой подрабатывалось только лезвие рубящих орудий, то в неолите топоры, тесла, долота нередко шлифовались по всей поверхности. Таким образом, единственным надежным критерием для выделения эпохи новолитического века осталась керамика. В середине XX в. Г. Чайлдом на материалах раскопок в Передней Азии была разработана концепция неолитической революции, согласно которой начало неолита связано с возникновением производящего хозяйства, что привело к созданию избыточных пищевых ресурсов и переходу к оседлому образу жизни. Причем первые следы появления производящего хозяйства (находки зерен культурных злаков, орудия для обработки земли и сбора урожая, кости домашних животных) были найдены в слоях поселений, которые еще не содержали глиняной посуды, что позволило их исследователям поставить вопрос об эпохе «докерамического неолита». Глиняные сосуды были изобретены позже. Их появлению предшествовал период знакомства с пластическими свойствами глины, из которой первые земледельцы строили свои жилища. Быстрый рост населения раннеземледельческих культур обусловил миграцию их представителей на те территории, где были похожие природно-климатические условия и где имелись легкие лессовые почвы, пригодные для мотыжного земледелия. Под воздействием ранних земледельцев производящие отрасли хозяйства распространяются на территории Балканского полуострова, а впоследствии в Северном Причерноморье и на большей части Западной Европы. Распространение производящего хозяйства здесь в основном совпало с появлением керамики, что позволило западноевропейским археологам увязать оба этих понятия с началом неолитической эпохи. Однако в Северной Евразии производящее хозяйство появилось значительно позже, чем глиняная посуда. Исходя из этого, западноевропейские исследователи счи-

тают местные культуры «субнеолитическими», а саму эпоху «субнеолитом», или керамическим мезолитом. Но российские археологи возражают против подобной постановки вопроса. По их мнению, появление керамики на территории лесной зоны явилось следствием ряда важных изменений в экономике и социальном устройстве местного населения, которые по своему масштабу сопоставимы с новациями, произошедшими в это время на юге. Население лесного неолита тоже переходит к оседлому образу жизни, наблюдается заметное увеличение его численности, и происходит это в результате развития комплексного присваивающего хозяйства, основой которого становится интенсивное занятие рыбной ловлей.

Начало неолитической эпохи на территории лесной зоны приходится на первую половину атлантического периода. В это время здесь происходит становление климатического оптимума, который характеризуется повышением на 2–3 °С среднегодовых температур, сокращением на один месяц морозного периода и увеличением увлажненности климата, что благоприятно сказалось на природе лесной зоны. Оптимальное соотношение тепла и осадков предопределило наибольший расцвет растительного и животного мира средней полосы. Здесь получают распространение широколиственные леса, которые обладают высокой биологической продуктивностью. Все это создало исключительно благоприятные условия для добывания животной и растительной пищи, придало дополнительный импульс для развития присваивающих отраслей экономики и позволило увеличить численность первобытных коллективов. Образ жизни раннеолитического населения лесной полосы, к которой в то время относилась основная часть территории Пензенского края, мало чем отличался от предшествующей мезолитической эпохи и был основан на ведении комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства, носившего сезонный характер.

В неолите происходит ряд изменений в технике изготовления каменных орудий. Наиболее важным является постепенный отказ от изготовления составного охотничьего вооружения, в основе которого лежало изготовление микролитических вкладышей. В неолите широкое распространение получают кремневые наконеч-

ники стрел и копий, изготовленные на отщепах и обработанные сплошной двусторонней ретушью. Отказ от изготовления составных орудий сопровождался постепенной деградацией индустрии изготовления ножевидных пластин, на смену которой в лесной зоне приходит отщеповая индустрия. Для получения орудий теперь стали использовать больше кремневые сколы практически любой формы, которым с помощью двустороннего ретуширования придавались необходимые контуры. В производство шли отщепы, полученные попутно при изготовлении крупных рубящих орудий и наконечников копий.

Происходит становление комплексного присваивающего хозяйства, что позволяет населению лесной зоны выработать высокую степень адаптации к природным условиям и создать экономику, обеспечившую достаточно успешное развитие и рост народонаселения.

Населением Сурско-Мокшанского междуречья навыки изготовления керамики были заимствованы от племен елшанской культуры, основная масса которых проживала в восточной части Среднего Поволжья. В начале атлантического периода (вторая половина VI тыс. до н.э.) в результате повышенной аридизации климата отдельные группы елшанского населения проникают на территорию Южного Приокшанья. Об этом свидетельствуют находки глиняных сосудов шлемовидной формы с S-видным венчиком, украшенных мелкими точечными наколами, обнаруженных в одном из неолитических жилищ на поселении у озера Имерка в Zubovo-Полянском районе Мордовии. Недавно похожая керамика была найдена и при исследовании стоянки Озименки 2, расположенной в Наровчатском районе. Приокшанскими племенами были заимствованы не только технология изготовления керамики и формы сосудов, но и традиции украшения посуды¹.

Дальнейшее развитие ранненеолитических традиций изготовления керамики в Пензенском крае иллюстрируют материалы стоянки у с. Потодево в Наровчатском районе. Керамика этой стоянки по таким признакам, как тонкостенность сосудов,

наличие сильно отогнутых наружу венчиков, преобладание несложных узоров в виде сдвоенных рядов наколов, похожа на посуду поселений у озера Имерка и стоянки Озименки 2. Однако на потодеевской керамике появляются и более сложные узоры, а вместо наколов точечной формы используются треугольные. Позже в Примокшанье и правобережном Поочье получают распространение оттиски зубчатого штампа, которыми украшается большая часть посуды. Данные традиции перенимают мезолитические племена, обитавшие на Верхней Волге, и потому их культура получает название верхневолжской. Ряд верхневолжских стоянок исследован археологами у озера Имерка, а также в нижнем и среднем течении р. Мокши.

В Посурье гребенчатая техника орнаментации доминирует над накольчатой только на двух поселениях (Подлесное 3 и 4). На остальных стоянках Верхнего Посурья в орнаментации керамики по-прежнему преобладают треугольные наколы, что характерно для памятников средневолжской культуры. Ряд стоянок с подобной керамикой исследован в окрестностях Пензы и ниже города по течению р. Суры. Это стоянки у озера Ерня, Подлесное 5, 7, 8, Грабово 3, Екатериновка. Здесь исследованы как наиболее ранние (Подлесное 7, 8, Грабово 3), так и достаточно поздние (Подлесное 5, у озера Ерня, Екатериновка) стоянки этой культуры, что может свидетельствовать о вхождении данной территории на протяжении всей эпохи неолита в зону влияния средневолжского населения. Накольчато-гребенчатая керамика Посурья раннего типа имеет прямые или слабоогнутые венчики. Сосуды орнаментированы горизонтальными и диагональными рядами отступающих наколов. Наколы треугольные, реже узкие клиновидные, овальные строчечные. Единичны скобковидные наколы, прочерки и короткие оттиски тонкозубчатого штампа. Днища конические и уплощенные. Большинство перечисленных признаков характерно для ранних накольчатых комплексов Среднего Поволжья². Все перечисленные памятники не являются долговременными поселениями, ни на одном из них не обнаружено стационарных, углубленных в землю жилищ. Видимо, средневолжское население на Верхней Су-

¹ Ставицкий В. В. Каменный век Приокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999. С. 34–46.

² Там же. С. 97–103.

ре было немногочисленным. Нельзя даже исключать возможности того, что в наш край данные племена заходили только во время сезонных перекочевок. Разнообразие орнаментальных традиций на памятниках Верхнего Посурья свидетельствует о том, что этот регион являлся своеобразной приграничной зоной, в которой средневожские племена постоянно испытывали на себе влияние других культур.

Поздний неолит. В середине IV тыс. до н.э. на территории Волго-Окского междуречья происходит повышение увлажненности климата. Заболачиваются озера, и границы лесной зоны смещаются к югу. В это время бассейн р. Мокши прочно входит в зону распространения лесных культур. Здесь получает распространение новая керамическая традиция, которую по характерной орнаментации называют ямочно-гребенчатой. Теперь кроме оттисков гребенчатого штампа керамику украшают глубокими вдавлениями белемнитов, окаменевших моллюсков конусовидной формы, которые в народе называют «чертовыми пальцами». Широко использовались также узоры из вдавлений костных штампов. По мнению ряда исследователей, появление новой традиции связано со сменой населения. Однако на стоянке Озименки 2 можно видеть, как на поздней верхневожской керамике поверх оттисков гребенки появляются ряды глубоких вдавлений, нанесенные пока еще не белемнитами, а концом приостренной палочки. Однако на стоянках Верхнего Поволжья зафиксированы и аналогичные фрагменты с белемнитными вдавлениями, т.е. происходит не смена населения, а смена керамических традиций. В Примокшанье подобные процессы были осложнены дополнительным притоком носителей уже сформировавшейся ямочно-гребенчатой керамики. Исходной территорией для подобного переселения на Мокшу, вероятно, послужила Восточная Мещера, где исследованы стоянки с очень похожей керамикой. Ее «визитной карточкой» являются вдавления костного плюсневого штампа, напоминающие своей конфигурацией очертания собачьего носа, только очень мелкие.

Продвижение носителей ямочно-гребенчатой керамики на Суру, видимо, осуществлялось по нижнему течению этой реки с территории Среднего Поволжья. Стоянки с данной керамикой на Суре, Мокше и

Алатыре распространены повсеместно, что свидетельствует о значительном увеличении численности населения в эпоху развитого неолита. В окрестностях Имерского озера наблюдается концентрация подобных стоянок, которые существовали здесь непрерывно на протяжении всей второй половины IV тыс. до н.э. Здесь, а также на поселениях Андреевка (Ковылкинский район), Машкино и Шаверки (Краснослободский район) археологами исследованы остатки полужемлянок. В центре жилища обычно располагался очаг, а в его углах своеобразные ниши-погребки, служившие для хранения продуктов¹.

Южнее и восточнее окрестностей Пензы население культуры ямочно-гребенчатой керамики практически не проникло. Эти территории в IV тыс. до н.э. входят в зону влияния южных раннеэнеолитических культур, знакомых с навыками ведения производящего хозяйства. Да и в окрестностях Пензы известны только кратковременные стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой. По предположению ряда исследователей с племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики следует связывать предков прафинно-угорских народов. Это подтверждается исследованиями на Верхней Волге захоронений людей, в антропологическом облике которых преобладают лапоноидные черты, присущие древним финноуграм.

На всем протяжении каменного века хозяйство племен, обитавших в Пензенском крае, оставалось присваивающим. Со временем менялось только значение его различных отраслей: охоты, рыболовства и собирательства. В эпоху развитого неолита ведущее положение занимает рыболовство, что позволило перейти к более оседлому образу жизни. На стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой, в сравнении с предыдущим периодом, многократно возрастает насыщенность культурного слоя находками, что свидетельствует о возросшей оседлости населения, в хозяйстве которого рыболовство играло ведущую роль. На ранних этапах развития рыбная ловля осуществлялась индивидуальными способами — гарпунами, острогами, крючковыми снастями различного рода. Со временем все

¹ Ставицкий В. В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. С. 124–135.

большее место занимает ловля рыбы с помощью разнообразных заколов и сетей, которые изготавливались из волокон крапивы. О развитии этой отрасли в ту отдаленную эпоху свидетельствуют и данные языковедения. Так, в древнейшем финно-угорском языке уже имелись такие слова, как: «сеть», «невод», «лодка», «запруда», «поплавок», «крючок» и др. Ведущая роль рыбной ловли подтверждается, например, и таким фактом, что древнегреческие географы называли ряд первобытных племен «ихтиофагами», что означало «пожиратели рыбы».

Ранний энеолит. В силу закона неравномерности исторического развития различных географических территорий раннему энеолиту степной и лесостепной зон хронологически соответствуют памятники развитого и позднего неолита. Таким образом, раннеэнеолитические древности Сурско-Мокшанского междуречья не имеют местных корней и их происхождение связано с миграциями представителей южных культур. Энеолит, или медно-каменный век, является переходной эпохой от каменного века к бронзовому и охватывает то время, когда медные орудия употреблялись наряду с каменными, причем каменные преобладали.

Примерно во второй половине IV тыс. до н.э. в южные пределы Пензенского края из степных территорий Волго-Донского междуречья проникает новое население, которое уже было знакомо с металлом. Это были племена, входившие в мариупольскую культурно-историческую общность, названную так по раскопкам могильника у г. Мариуполь на территории современной Украины. Захоронения в этом могильнике были совершены в траншеях, где костяки залегали плечом к плечу на спине с вытянутыми ногами. По мере появления новых умерших их хоронили в той же траншее, таким образом продлевая ее. В могилах встречаются украшения, вырезанные из клыков кабанов, и некоторые каменные орудия. Глиняную посуду в могилу не ставили, а оставляли на специальных жертвенных площадках. Интересной особенностью этой посуды является своеобразный «воротничковый» налест на внешней стороне венчика. Вероятно, подобный «воротничок» служил для укрепления горла сосуда, которое являлось его наиболее уязвимой частью. Если сосуд трескался, то трещина первоначально появлялась именно здесь. Причем появлению «воротничков»

предшествовали похожие налесты, но совершенные с внутренней стороны сосуда. Однако они сужали горло и затрудняли доступ к содержимому. Кроме того, «воротничковый» налест снаружи можно было использовать и для подвешивания. Сосуды с «воротничковыми» утолщениями на территории Пензенского края впервые были обнаружены на пензенских стоянках, затем были раскопаны поселения с подобной керамикой у с. Софьино в Сердобском районе и у с. Веденяпино в Городищенском районе. Носители «воротничковых» традиций изготовления керамики пришли на территорию нашего края с юга, где в эпоху неолита и даже в начале энеолита продолжала господствовать мезолитическая техника изготовления орудий на ножевидных пластинах, а не на отщепках, как в лесной зоне. На самых ранних памятниках мариупольской общности достаточно широко представлены составные орудия с лезвиями из узких ножевидных пластин – микролитов. Небольшие размеры имело и большинство остальных орудий.

Подобный микролитический комплекс кремневых орудий обнаружен при раскопках у с. Веденяпино. Среди ножевидных пластин преобладают узкие экземпляры с шириной 0,7–1 см, которые использовались в качестве вкладышей. Представительную серию образуют концевые скребки, выполненные на сечении пластин, продольных сколах либо мелких отщепках. Крайне малыми размерами отличается большинство наконечников стрел. Их форма: иволистная, треугольная, с выемкой у основания, листовидная, листовидно-черешковая. На поселении выявлено два жилища. Второе жилище практически полностью разрушено карьером. Первая постройка имела подквадратную форму 630×670 см. На дне жилища зафиксировано 10 ям округлой и овальной формы.

На памятниках развитого этапа мариупольской культурно-исторической общности появляются орудия, изготовленные на массивных широких и длинных ножевидных пластинах. Их распространение связано с изобретением способа усиленного отжима пластин. Теперь нуклеус зажимался в своеобразные деревянные тиски, после чего на него с силой давили отжимником, используя специальный рычаг. Такой способ позволял получать длинные и широкие, но тонкие ножевидные пластины

с правильными параллельными гранями. Их можно было использовать в качестве режущих орудий без дополнительной обработки. После того как края орудий тупились, их заостряли с помощью краевой ретуши. Подобные орудия на широких ножевидных пластинах найдены вместе с «воротничковой» керамикой на Пензенской и Бессоновской стоянках. Для получения подобных пластин годился только кремнь достаточно высокого качества. Самарский трассолог И. В. Горашук считает, что средневожские племена мариупольской культурно-исторической общности, которые относятся к локальной самарской культуре, сами не использовали метод усиленного отжима для изготовления подобных орудий, а получали их в результате обмена у своих южных соседей. Об этом свидетельствует отсутствие следов соответствующего расщепления нуклеусов на средневожских памятниках. Данный вывод справедлив и для памятников с «воротничковой» керамикой Среднего и Верхнего Дона, где указанные пластины немногочисленны. Ни одного подобного орудия, например, не было найдено на поселении Софьино, расположенном на Верхнем Хопре. Каменный инвентарь этого поселения изготовлен из кремня и кварцита. Преобладают изделия на отщепках. Наиболее многочисленны скребки. На массивных кварцитовых отщепках выполнены скребла. Свообразна керамика Софьино 1. Характерны воротничковые утолщения валиковидной, треугольной формы, а также с желобком изнутри. Сосуды украшены зубчатыми штампами: длинными, короткими, косозубыми и овальными, рядами строчечных наколов, прочерченными линиями. Днища плоские и конические. Ближайшие аналоги софьинская керамика находит в посуде ивановского этапа самарской культуры, особенно в керамике Турганинской стоянки. Интересно, что в керамике стоянки Софьино прослеживаются следы контактов носителей «воротничковой» керамики с представителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. На поселении найдены гибридные сосуды, вобравшие в себя черты различных культурных традиций: «воротничковой» и ямочно-гребенчатой¹. Еще на одной из стоянок куль-

туры ямочно-гребенчатой керамики, расположенной в Тамбовской области, были найдены кости крупного рогатого скота. Домашний скот к населению этой стоянки, видимо, также попал от носителей «воротничковой» керамики.

В раннем энеолите на территорию Посурья проникают племена хвалынской культуры, названной так по раскопкам могильника у г. Хвалынска (Саратовская область). Среди погребений этого могильника зафиксированы одиночные захоронения, коллективные и многоярусные. Большинство погребенных лежало на спине с подогнутыми ногами, поставленными коленями вверх. Часто скелеты засыпаны красной минеральной краской – охрой. Поблизости с погребениями находились жертвенники с керамикой и костями домашних животных: мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. Часть погребений безынвентарные, но другие отличались богатыми находками. Среди погребального инвентаря – медные кольца, подвески, пронози и браслеты, каменные тесла, сверленный шлифованный топор, выточенный из камня скипетр в виде стилизованной головы лошади, костяные гарпуны, наконечники стрел и ножевидные пластины, бусы из костей и раковин и др. Человеческие жертвоприношения, зафиксированные в обряде Хвалынского могильника, свидетельствуют о зарождении элементов социального неравенства, что подтверждается и находками каменных скипетров, служившими символами власти².

На Суре поселение хвалынской культуры исследовано у с. Русское Труево (Сосновоборский район), где обнаружено четыре жилища. Три жилища располагались в линию с интервалом около 2 м. Четвертое жилище сориентировано иначе. Первые три жилища имели прямоугольную форму и были длиной от 6 до 8,4 м и шириной от 3,6 до 5 м. Четвертое жилище имело удлиненную, слабо изогнутую форму. Его длина 17 м, ширина 4,5 м, и восточная часть смещена относительно его западной половины к югу на 1 м. Основу хозяйства хвалынских племен составляло оседлое скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, лошадей и овец. Находки на поселениях охотничьего вооружения и костяных гарпунов свиде-

¹ Ставицкий В. В., Хреков А. А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003. С. 80–103.

² Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.

тельствуют о том, что немалое место отводилось охоте и рыбной ловле. На позднем этапе существования хвалынских древностей в степной части Волго-Донского междуречья наблюдается сложение новых культурных традиций, которые сначала затрагивают керамическое производство, а затем проявляются и в изменении каменной индустрии. В итоге на смену «воротничковой» керамике приходит профилированная посуда с сильно отогнутыми наружу венчиками, получают распространение иные орнаментальные традиции, крупнопластинчатая технология изготовления орудий сменяется отщеповой. Указанные изменения связаны с формированием алтатинских и среднестоговских памятников. На территории Сурско-Окского междуречья алтатинские памятники выявлены только в верхнем и среднем течении р. Суры, а наиболее представительные материалы получены при раскопках поселения Русское Труево 2. Здесь исследовано жилище, которое имело форму неправильного овала (11,2×7 м). Керамика содержит обильную примесь органики, выщелочившейся раковины, реже шамот. Венчики – отогнутые наружу, иногда желобчатые. Некоторые сосуды не орнаментированы, остальные украшены, преимущественно в верхней части, оттисками длинного зубчатого и овального штампа, ногтевыми насечками, прочерченными линиями, крупными или мелкими прямоугольными вдавлениями, оттисками шагающей гребенки и веревочными, узелковыми отпечатками. На ряде сосудов орнаментальную функцию выполняют упорядоченные расчески зубчатого штампа. В каменном инвентаре преобладают кварцевые изделия на отщепах. К массовым категориям относятся ножи, скребки и наконечники. Большинство наконечников обработано сплошной двусторонней ретушью. В Посурье артефакты второго Русско-Труевского поселения находят ближайшие аналоги в материалах поселения Старая Яксарка, Усть-Кадада 1, Инерка 1 и 2¹.

К востоку от территории распространения алтатинских памятников обитали родственные им племена среднестоговской культуры. В Пензенском крае среднесто-

говское поселение раскопано у с. Скачки в Мокшанском районе, где было исследовано небольшое жилищное сооружение и собрана типичная среднестоговская керамика. Но наиболее выразительная коллекция среднестоговской посуды в Примокшанье получена при раскопках поселения Имерка 8 на р. Вад. Сосуды содержат обильную примесь раковины, реже шамот. Их поверхность покрыта декоративными расчесами. В орнаментации преобладают мелкие и средние изогнутые зубчатые штампы и прочерченные линии. В реконструкции сосуды представляют собой как низко, так и высокогорлые горшки с прямыми либо отогнутыми наружу венчиками, резко или плавно переходящими в округлое тулово. Днища округлые, вогнутые, плоские.

Поздний энеолит. В середине III тыс. до н.э. из Поречья Оки на территорию Пензенского края проникает население волосовской культуры. Им были ассимилированы остатки местного населения культуры ямочно-гребенчатой керамики, что нашло отражение в орнаментации волосовской посуды, украшенной ямчатыми вдавлениями различной формы. Пензенские земли относились к южной окраине распространения волосовской культуры. Археологами исследованы волосовские поселения в окрестностях г. Пензы, у сел Подлесное и Грабово (Бессоновский район), у с. Лещиново (Нижнеломовский район), у с. Старое Шаткино (Камешкирский район), на дюне Озименки (Наровчатский район). Но особенно выразительные материалы получены при раскопках многослойного поселения Имерка 8 на р. Вад. Собранная с этих поселений керамика отличается толстостенностью и содержит в глиняном тесте обильные примеси органических остатков. Волосовские сосуды раннего периода имели округлые днища и богато орнаментировались отпечатками всевозможных штампов, оттисками перевитой веревочки, ямчатыми вдавлениями и прочерченными линиями.

На позднем этапе развития культуры появляются плоскодонные сосуды, орнаментация которых уже не отличается разнообразием. Большинство пензенских поселений как раз датируется поздним периодом существования волосовской культуры. В это время наивысшего расцвета достигает техника изготовления кремневых орудий. Поверхность орудий отделялась сплошной, двусторонней ре-

¹ Ставицкий В. В., Хреков А. А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. С. 103–121.

тушью, с помощью которой изделиям придавалась любая необходимая форма. Широкое распространение получают комбинированные орудия: скребки-скобели, скребки-проколки, ножи-ложжари и др. Из камня изготавливались даже фигурки людей и животных. На поселении Подлесное 5 найдена фигурка кабана, на Бессоновской стоянке – две фигурки выдры, у Калашного затона – фигурка птицы, на поселениях Озименки, Лепченка и Широмазово 1 – антропоморфные фигурки. Возможно, эти фигурки являлись изображением тотемных животных, которых считали мифическими прародителями рода¹.

Интересные результаты дали раскопки поселения Грабово 1. Здесь было обнаружено три землянки подчетыреугольной формы. Две из них были углублены в песок на 0,3–0,4 м и имели размеры 4×4 м и 7×6 м. Эти полуземлянки соединялись переходом. В центре одной из них располагался очаг. В углах жилища были вырыты ямы глубиной около 1 м, служившие для хранения продуктов. Следов каких-либо деревянных конструкций не сохранилось. По аналогии с другими жилищами волосовской культуры можно предположить, что выложенные из бревен стены крепились вертикальными столбами, на которые опиралась двухскатная крыша. Интересно, что «конек» подобной крыши на поселении Имерка 8 украшала медвежья голова. Здесь исследованы остатки восьми жилищ, соединенных между собой переходами. Иногда на волосовских поселениях встречаются человеческие захоронения. Видимо, остатки одного из таких захоронений были обнаружены в окрестностях г. Пензы у Белого омута, где было найдено ожерелье из 27 шлифованных подвесок, изготовленных из сибирского листвинита. Единичные находки подобных подвесок известны на многих волосовских стоянках. Например, на Бессоновской стоянке была найдена даже недоделанная заготовка, которую отшлифовали, но не смогли просверлить, так как камень оказался слишком твердым. Однако целые ожерелья встречаются только в погребениях. Тем более что подвески со стоянки у Белого омута были покрыты красной минеральной краской охрой, которой обыч-

но посыпались энеолитические погребения. Следы еще одного вероятного погребения были выявлены на поселении Подлесное 5, где в незначительном углублении культурного слоя были найдены четыре подобных подвески и три иволистных наконечника стрел с усеченным основанием – точная копия наконечников, собранных у Белого омута.

Большинство волосовских поселений расположено на местах бывших неолитических стоянок по берегам старичных озер, а также в устьях небольших рек. Их тяготение к водным пространствам свидетельствует об интенсивных занятиях рыболовством, что подтверждается находками глиняных сосудов с отпечатками рыболовных сетей, каменных и керамических грузил, костяных гарпунов и рыболовных крючков, а также с многочисленными остатками костей рыб на стоянках у Имерского озера. О значительном потреблении рыбной пищи свидетельствует повышенная концентрация цинка в костях погребенных волосовцев. Особенно много цинка в костях женских захоронений. В рационе мужчин большее место занимала мясная пища. При отсутствии производящих навыков ведения хозяйства только интенсивные занятия рыбной ловлей могли обеспечить оседлый образ жизни древнего населения. Об этом свидетельствует мощный, обильно насыщенный находками культурный слой волосовских поселений, толщина которого порой достигает 1–1,5 м. Это подтверждается и наличием на поселениях долговременных жилищ-полуземлянок с зимними очагами и многочисленными ямами-зольниками, которые использовались для отопления помещений.

В поздневолосовское время происходит знакомство с меднолитейным производством. На ряде поселений зафиксированы находки шлакированной керамики со следами высокотемпературного воздействия и обломки льячек для разлива жидкого металла. Согласно данным спектрального анализа, самородная медь поступала к волосовским литейщикам из медистых песчаников Среднего Поволжья и Прикамья. Разработка этих месторождений из-за низкого содержания металла в руде была крайне трудоемкой. Для выплавки 1 кг меди требовалась переработка 7 т песчаника.

Кроме волосовского населения в эпоху позднего энеолита в крае обитали племена

¹ Королев А. И., Ставицкий В. В. Приокшанье в эпоху раннего металла. Пенза. 2006. С. 25–91.

имерской культуры, названной так по поселению, раскопанному в окрестностях Имерского озера в Zubово-Полянском районе. Эта культура открыта недавно, и в ее изучении еще много неясного. Своими корнями она уходит в культуру дубровических племен, которые приходят на Мокшу из Верхнего Поднепровья, вероятно, испытывая на себе давление со стороны своих воинственных соседей культуры боевых топоров. Весьма своеобразно выглядит имерская керамика. Преобладают сосуды с коническим и плоским дном, реже с округлым. В тесте сосудов содержатся растительные примеси, пух и перья водоплавающих птиц, иногда толченая раковина. Сосуды как правило толстостенные. На внутренней стороне венчика обычно имеется характерный наплыв. В орнаментации преобладают прочерченные линии, которые образуют горизонтальные зоны, разделенные отпечатками короткого зубчатого штампа или наколами.

Культурные слои имерских поселений обычно перенасыщены находками, что свидетельствует об их длительном существовании. «Имерцы» достигли значительных успехов в развитии комплексного присваивающего хозяйства, в котором один вид занятий гармонично дополнял другой. Практически на всех долговременных поселениях данной культуры имеются следы выплавки меди. Особенно много обломков использованных тиглей, льячек и литейных форм собрано на поселении Волгапино и Новый Усад. Здесь найдены литейные формы для отливок массивных топоров. Высокий уровень медеплавильного ремесла подтверждается уменьшением на имерских поселениях числа каменных орудий, которые теснят изделия из металла. В начале II тыс. до н.э. имерско-волосовское население края оказалось на пути движения скотоводческих племен культуры боевых топоров и было частично рассеяно, а частично ассимилировано ими.

Эпоха ранней бронзы. Начало раннего бронзового века совпало с суббореальным похолоданием, оказавшим благоприятное воздействие на территорию степной зоны, границы которой расширяются в южном направлении, и это замедлило процессы проникновения в лесостепь

степного населения. В данное время основное внимание южных племен, видимо, было сосредоточено на освоении водораздельных пространств степной зоны, протекавшем на фоне перехода к подвижным формам ведения скотоводческого хозяйства. Начавшись в позднем энеолите, данные процессы нашли свое завершение у населения ямной культуры. К ограничивающим факторам распространения ареала кочевого скотоводства относится глубина снегового покрова, при превышении допустимых величин которой становится невозможен круглогодичный выпас скота. По-видимому, по данным причинам мы не наблюдаем массового проникновения населения ямной культуры на территории северной и типичной лесостепи. К ямной культуре, вероятно, относится и исследованное А. В. Растороповым погребение у с. Саполга Малосердобинского района. Захоронение располагалось в центре кургана и было перекрыто каменной закладкой. Погребенный был положен на спину с вытянутыми руками и ногами, головой на запад. Вещи в могиле отсутствовали, что характерно для большинства ямных погребений. Наряду с безынвентарными погребениями встречаются и богатые захоронения, вероятно, принадлежавшие родоплеменным вождям. Над ними насыпались высокие курганы, в погребения клали медные орудия и украшения. Иногда в них находят даже металлические предметы, изготовленные из метеоритного железа. На территорию Пензенского края проникновение ямного населения, по-видимому, осуществлялось из бассейна Среднего Дона по его левобережным притокам – Хопру и Вороне. Основным занятием ямных племен было кочевое скотоводство, и поэтому об их долговременных поселениях почти не известно. Впрочем, и сезонные стоянки тоже встречаются редко. С племенами ямной культуры на территории Пензенского края, видимо, связаны находки каменных сверленных молотов и некоторых архаичных типов сверленных шлифованных топоров обушково-ромбической формы².

На рубеже III–II тыс. до н.э. в жизни скотоводческих племен лесостепной зоны

¹ Королев А. И., Ставицкий В. В. Примокшанье в эпоху раннего металла. С. 94–148.

² Ставицкий В. В. Бронзовый век Пособурья и Верхнего Примокшанья. Пенза, 2005. С. 4–9.

происходят значительные изменения. Климат постепенно становится более засушливым, и это уменьшает продуктивность степей и лугов. В то же время продолжает расти численность населения, увеличиваются стада домашнего скота, в результате чего начинает ощущаться недостаток пастбищных площадей. Перечисленные причины приводят к экспансии скотоводческих племен на территориях, занятых охотниками и рыбаками. В это время в основном сохраняется направленность связей предшествующего периода, но миграции теперь приобретают более массовый характер, и наряду с западным воздействием наблюдается усиление влияния со стороны южных племен. Главными действующими силами на этом этапе выступают племена культур боевых топоров и катакомбное население. Первые начинают продвижение с запада и юго-запада, вторые – с юга, причем и те и другие вовлекают в свое движение население сопредельных районов. Таким образом, ранний бронзовый век открывает эпоху «великого переселения» степных и лесостепных племен, миграции которых изменили этнокультурную карту Сурско-Окского междуречья. Это время сложения ряда синкретических культур: примокшанской, чирковской, вольско-лбищенской, судьбы населения которых оказались тесно переплетены.

Катакомбная культура. На рубеже III–II тыс. до н.э. на население Среднего Подонья усиливается давление со стороны агрессивных племен катакомбной культуры, отдельные группы которых доходят до Южного Примокшанья и Верхнего Посурья. Катакомбная культура получила свое название по курганным захоронениям в ямах с боковым подбоем-катакомбой, где умерших обычно клали на правый бок с согнутыми в коленях ногами в позе скачущего всадника. Захоронения обычно посыпались охрой. В погребениях встречается посуда, реже изделия из металла, иногда кремневые наконечники стрел, каменные сверленные топоры, сосуды-курильницы. Интересен обряд прижизненной деформации черепа. В некоторых погребениях встречаются неестественно вытянутые черепа, что, видимо, достигалось с помощью наложения на голову ребенка специальных дощечек, позволяющих расти голове только в определенном направлении. На территории Пензенского края могильники ката-

комбной культуры пока не изучены, здесь известны только поселения. Впервые катакомбные древности были получены при раскопках на поселении Озименки, где была собрана керамика, украшенная зашипами, отпечатками веревочки в виде плетенки и елочными композициями, состоящими из оттисков гребенчатого штампа. Культурный слой, содержащий керамику катакомбной культуры с типичной «елочной» орнаментацией, был обнаружен на поселении Дюна за Валом у с. Малая Кавендра и у с. Большой Колояр в Наровчатском районе Пензенской области. В Посурье наиболее крупная коллекция керамики катакомбного облика собрана на Первом Ахунском городище, расположенном на мысе, образованном двумя оврагами глубиной около 11 м. Керамика содержит в тесте примесь мелкого песка и шамота. Сосуды украшены вдавлениями гладкого штампа, зубчатыми отпечатками, вдавлениями перевитого шнура, треугольными наколами, валиком, украшенным пальцевидными зашипами, ногтевидными насечками, образующими горизонтальную елочку¹.

Катакомбная керамика присутствует в подъемных сборах с пензенских стоянок, расположенных в городской черте современной Пензы. Данная керамика украшена отпечатками перевитой веревочки и «елочными узорами», состоящими из отпечатков зубчатого штампа. С катакомбной керамикой, вероятно, связаны треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, большинство которых обработано сплошной двусторонней ретушью. Три поселения с отдельными находками катакомбной керамики выявлены В. В. Ставицким в Верховьях р. Суры у сел Русское Труево, Нижняя Елюзань и Саловка. В окрестностях Саловки найден пест-терочник, имеющий удлиненную форму, столь характерную для катакомбных орудий подобного типа.

Судя по облику сурско-мокшанских древностей, появление катакомбных памятников на данной территории следует связывать с бассейном Среднего Дона. В частности, продвижение среднедонских катакомбных племен в северо-восточном направлении наглядно иллюстрируют материалы многослойного поселения Кипец, исследованного В. В. Ставицким в верхнем

¹ Ставицкий В. В. Бронзовый век Посурья и Верхнего Примокшанья. С. 10–31.

течении р. Вороны, где присутствует как наиболее архаичная ямно-катакомбная керамика, так и типичная ранняя среднедонская посуда, украшенная «елочными» узорами, состоящими из оттисков зубчатого штампа и отпечатков веревочки. Время распространения катакомбных древностей в Сурско-Мокшанском междуречье, видимо, можно синхронизировать с появлением катакомбных памятников на Верхнем Дону и датировать их ранним периодом. Вероятно, это был общий процесс освоения катакомбными племенами северной периферии лесостепной зоны. Территория Верхнего Примокшанья скорее всего входила в зону их кочевий, что предполагает наличие кратковременных стоянок с культурным слоем, с небогатым находками и отсутствием долговременных памятников¹.

Фатьяновско-балановские древности. В конце первой четверти II тыс. до н.э. на территорию Пензенского края проникают фатьяновско-балановские племена культуры боевых топоров. Эти племена двигались из Поднепровья в поисках благоприятных земель для ведения их скотоводческого хозяйства. В крае найдено более сотни боевых топоров, которые вытачивались из камня, а отверстия в них просверливали с помощью полой кости, подсыпая при ее вращении мокрый песок. Эти топоры были потеряны в ходе военных столкновений с местным населением либо впоследствии выпажаны из погребений павших воинов. Балановские топоры обычно имели длину 15–18 см, а их толщина колебалась в пределах от 4 до 8 см. В каждой орудии имелось просверленное отверстие диаметром 2–3,5 см, в которое вставлялось топориче. Топоры использовались в качестве оружия метательного и ударного действия и сопровождали погребения каждого мужчины. В захоронениях мальчиков находят игрушечные топоры, а в могилы вождей клали медные вислообушные топоры, завернутые в бересту. Одно из разрушенных погребений было обнаружено на дюне Озименки в Наровчатском районе. Здесь был найден человеческий череп, сверленный каменный топор и фрагменты от двух сосудов. Основным занятием балановцев было оседло-пастушеское скотоводство. Они разводили крупный рогатый скот и свиней.

¹ Ставицкий В. В. Бронзовый век Посурья и Верхнего Примокшанья. С. 10–31.

Лошадей и овец в их стаде было немного. На зиму для животных заготавливался веточный корм, сено, желуди. Летом мужчины-пастухи выгоняли скот на лесные пастбища, охраняемые собаками. Занимались они также подсечным земледелием, выращивая пшеницу и ячмень. Для вырубki леса и расчистки земельных участков использовали кремневые клиновидные топоры. Охота и рыбная ловля обеспечивали их дополнительной пищей.

Наиболее ранние находки фатьяновско-балановской керамики, украшенной отпечатками витого шнура, обнаружены на поселении Новый Усад 4. Однако их массовое проникновение происходит в более позднее время на ошпандинском этапе развития, к которому относится большинство фатьяновско-балановских поселений Сурско-Мокшанского междуречья. В Примокшанье одним из наиболее хорошо изученных поселений является Широмазово (Теньгушевский район), где исследовано пять целых и одно разрушенное жилище. Дома располагались в два параллельных ряда и были соединены переходами. Все жилища имели прямоугольную форму, а их котлованы были углублены в грунт до 1 м. В центре жилья обычно располагался очаг, рядом с которым был вкопан массивный сосуд для приготовления пищи. Пол отапливался с помощью системы обогревательных ям, которые на ночь заполнялись углями из очага и засыпались песком. В одном из жилищ была найдена керамика, очень похожая на посуду примокшанского типа, хотя и отличавшаяся от нее рядом особенностей. Сосуды имели небольшое уплощенное или округлое дно и венчики с характерным желобком изнутри. Своеобразие этой керамики позволило выделить ее в особый широмазовский тип посуды. Совместное залегание данной керамики в помещении, соединенном переходом с балановским жилищем, свидетельствует о мирных взаимоотношениях представителей этих культур. Вероятно, часть примокшанского населения была включена в состав фатьяновско-балановских племен и оказалась вовлечена ими в движение на северо-восток. Керамика широмазовского типа, в частности, найдена на поселениях у озера Сахтыш в Ивановской области. А такая ее характерная черта, как желобчатые венчики, получает впоследствии рас-

пространение на керамике чирковского типа в Марийском Поволжье¹.

Долговременное поселение балановской культуры с мощным культурным слоем – Ош-Пандо – было исследовано П. Д. Степановым в Среднем Посурье. Поселение занимало мысовидный выступ надпойменной террасы высотой около 30 м, на котором была зафиксирована каменная вымостка со следами долговременных кострищ, представлявшая собой остатки большого наземного жилища. Здесь были собраны обломки каменных топоров, медный наконечник копья с несомкнутой втулкой, фрагменты круглодонных сосудов, часть которых имела отверстия в днищах и предназначалась для приготовления творага².

Абашевская культура. Расположение поселения Ош-Пандо на высоком труднодоступном мысе ряд исследователей объясняют вторжением воинственных лесостепных племен абашевской культуры на территорию Посурья. Их появление здесь было вызвано причинами того же экологического кризиса. Абашевцам были известны боевые колесницы – наиболее передовое вооружение эпохи бронзы. При столкновениях на безлесных пространствах их натиску было невозможно противостоять. Абашевцы не только вступают в военные столкновения с балановцами, но и ведут междоусобную борьбу. Следы разгромленного и сожженного абашевского поселка обнаружены в местности Барковка под Пензой. Братская могила семи абашевцев была раскопана под одним из курганов у с. Старое Ардатово в Ардатовском районе Мордовии. Немногочисленность находок абашевской керамики на Суре и Мокше свидетельствует об их непродолжительном здесь обитании. Столкнувшись с балановским противостоянием, данное население перемещается в Среднее Поволжье. Абашевское население вело скотоводческое хозяйство с подчиненным значением земледелия. В стаде преобладал крупный рогатый скот при значительной доле мелкого рогатого скота, что особенно характерно для раннего этапа развития.

¹ Королев А. И., Ставицкий В. В. Примокшанье в эпоху раннего металла. С. 178–180.

² Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск, 1967.

В позднеабашевское время прослеживается тенденция к развитию оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Появляется ряд крупных долговременных поселков, где найдены кости свиньи и лошади, увеличивается число свидетельств занятия земледелием и т.д. Впрочем, в Среднем Поволжье абашевское население оставалось подвижным и позже, в большей степени занимаясь пастушеским скотоводством. Абашевцы использовали скот в транспортных и военных целях, что способствовало их расселению на значительные территории. На позднем этапе развития у них получают распространение дисковидные псалии с шипами, связанные с появлением колесничного транспорта.

На территории Сурско-Мокшанского междуречья с абашевскими древностями, вероятно, связан медный вислообушный топор, найденный в Алатырском районе Республики Чувашии. Топор имеет типичный для абашевских изделий дуговидно изогнутый клин каплевидного сечения, косо срезанный обух и эллипсоидный проух. Позднеабашевским – раннесрубным – временем датируется медный вислообушный топор, найденный на территории Шемейского района Пензенской области. В отличие от алатырского топора он не имеет косо срезанного обуха. По классификации Б. Г. Тихонова подобные топоры относятся к южноуральскому типу. К абашевскому типу изделий относятся находки двух ножей с пензенских стоянок, которые имеют ромбическое окончание черешка. Коллекция абашевской керамики в Посурье собрана при раскопках Барковского поселения.

Вольско-лбищенская культура. К эпохе средней бронзы в Пензенском крае относятся поселения вольско-лбищенской культуры, обнаруженные в верховьях р. Суры. Наиболее полно исследовано Екатериновское поселение, расположенное на второй высокой надпойменной террасе правого берега р. Суры, в 250 м севернее с. Екатериновка Лунинского района, на месте одноименного городища раннего железного века. Поселение занимает мысовидный выступ, образованный двумя глубокими оврагами. Высота площадки поселения над уровнем поймы составляет 15 м. Она имеет треугольную форму, вытянутую на 60 м. Каменные орудия, собранные

на поселении, немногочисленны. Они выполнены из местного светло-серого сурского низкокачественного кремня. Невыразительный комплекс каменных орудий свидетельствует о том, что жители этого поселения использовали в основном металлические орудия. В пользу этого говорит и находка небольшого овального чашевидного сосуда с округлым дном и толстыми стенками, предназначенного для плавки металла. Керамика поселения содержит в тесте примесь песка и шамота, а также органики (выщелочившиеся раковины). Сосуды имеют яйцевидные очертания, их днища округлые или небольшие уплощенные. В орнаментации посуды преобладают разнообразные оттиски зубчатого штампа и веревочные отпечатки.

Вольско-лбищенские древности относятся к кругу культур начальной поры бронзового века, одной из характерных черт которых является расположение поселений на высоких труднодоступных местах, что, по всей вероятности, было вызвано сходной социально-политической обстановкой, имевшей место на территории лесостепной и юге лесной зоны. Расположение данных поселений в труднодоступных местах объясняется социально-экономическими изменениями, связанными с переходом к производящему хозяйству. Теперь каждый род обладал богатством, которое у него можно было отобрать в случае удачного нападения. Таким богатством являлись стада скота. Вероятно, в ту эпоху у вольско-лбищенских племен пока еще отсутствовали объединения в виде военно-оборонительных союзов, существование которых могло бы остановить сильное племя от нападения на своего более слабого соседа, что заставляло каждый род рассчитывать только на свои силы, отчего при выборе места для поселения предпочтение отдавалось его оборонительным качествам. В это же время в результате увеличения населения южных культур (вначале ямной, а затем катакомбной), которое в конце III тыс. до н.э. совпало с аридизацией климата, лесостепное население Волго-Донского междуречья начинает испытывать давление со стороны своих южных соседей. Таким образом, перенос поселений на высоко расположенные труднодоступные места являлся защитной реакцией и на это воз действовало. Данные процессы протекали

в близких хронологических рамках на периферийных территориях катакомбной культуры¹.

Срубная культура. Во второй – третьей четверти II тыс. до н.э. происходит постепенный распад Циркумпонтийской металлургической провинции, в результате чего образуется новый блок степных и лесостепных культур, объединенный в рамках новой Евразийской провинции. Преобладающим типом сплавов становятся оловянные бронзы, хотя на западе по-прежнему доминировали изделия «из чистой меди», а также использовались сурьмяно-мышьяковые бронзы. В данную эпоху получает распространение тонкостенное литье в многосторонних формах со вставным сердечником, что позволяло получать орудия с полой втулкой. Сложение данной провинции происходило под воздействием восточноевропейских металлургических очагов, на фоне общей культурно-хозяйственной консолидации подвижных скотоводческих племен. В это время в результате усиления интеграционных процессов быстрое разнообразие сменяется всеобщей однородностью материальной культуры. В степи и на безлесных пространствах лесостепной зоны получают распространение памятники срубной культуры. В лесной зоне происходит сложение памятников культуры сетчатой керамики, население которой сыграло здесь ту же интегрирующую роль, что и племена срубной культуры в зоне степей. Уже на развитом этапе существования срубной культуры наблюдаются изменения в погребальной обрядности, связанные с отказом от совершения богатых, престижных захоронений, насыщенных воинскими атрибутами. Под курганами теперь встречаются не одно, два или три захоронения, как раньше, а до десятка и более захоронений, содержащих слабо дифференцированный погребальный инвентарь. К этому же времени относится исчезновение поселений, расположенных на высоких труднодоступных местах, не фиксируется следов оборонительных сооружений и на других памятниках. Население названных территорий вступает в новый период стабильного существования и эволюционного развития, который связан со значительной нивелировкой культуры во

¹ Ставицкий В. В. Бронзовый век Посурья и Верхнего Примокшанья. С. 93–110.

всех ее проявлениях, при практически полном исчезновении социальной неоднородности.

В XVI в. до н.э. степные районы области захлестнула мощная волна племен срубной культуры, которая поглотила остатки населения разнообразных культур среднего бронзового века. Срубная культура получила свое название за своеобразный обряд подкурганного захоронения в ямах, обложенных срубом. Однако подобные срубы устраивались не во всех захоронениях, чаще могильная яма просто перекрывалась деревянным настилом, либо деревянных сооружений не устраивалось вообще. Особенно большие курганы насыпались на раннем этапе развития срубной культуры. В это время под курганом совершались одиночные захоронения, которые сопровождалась богатым набором вещей. Позже размеры курганных насыпей уменьшаются, а число погребений под ними увеличивается при сокращении количества положенных в могилу вещей. На территории Пензенского края зафиксировано более 800 курганных насыпей, подавляющее большинство которых относится к срубному времени. Только у с. Куракино (Сердобский район) П. С. Рыковым было выявлено 65 курганов, из которых три им были раскопаны. Курганы срубной культуры исследованы также у сел Агринка, Дуровка (Тамалинский район), Ст. Захаркино, Ст. Яксарка (Шемышейский район), Дубасово, Соколка (Сердобский район), Марьевка (Кузнецкий район), Шингал, Саполга (Малосердобинский район), Ст. Чердым (Лопатинский район), Чудная (Башмаковский район) и др. При раскопках ряда срубных поселений были выявлены остатки углубленных в землю жилищ. На поселении, расположенном на ручье Кула в Шемышейском районе, обнаружены три жилищных котлована, один из которых был раскопан полностью. Его глубина составляла 0,5–0,6 м. Жилище имело подчетырехугольную форму размером 10×16 м. В его центре располагались два очага. Полуземлянка имела двухскатную крышу асимметричной конструкции. Стены и крыша, вероятно, были изготовлены из переплетенных прутьев. Поблизости с жилищем располагались две хозяйственные ямы округлой формы. Часть дома в зимнее время могла использоваться в качестве хлева для скота. Летом животных пасли на пло-

дородных пойменных лугах вблизи поселков, зимой их кормили вениками из веток и запасами сена. В стаде преобладал крупный рогатый скот. В меньшем количестве разводили мелкий рогатый скот и лошадей, а также свиней. Скот считался основным источником богатства. В древнейшем сборнике религиозных арийских гимнов, который датируется концом II тыс. до н.э., скоту отводилась особая роль. Из-за него вступают друг с другом в сражение арийские герои. Даже слово «война» в переводе с языка ведийских сказаний звучит как «поиски коров». Занимались срубные племена и земледелием, но оно не играло существенной роли в их жизни. Важной отраслью хозяйства было бронзолитейное производство. Ремесло кузнеца-литейщика в это время становится специализированным занятием. Проявляются целые поселки металлургов, снабжавших своими изделиями несколько соседних племен. Профессия кузнеца передавалась по наследству вместе с секретами обработки металла. Об успехах, достигнутых в бронзолитейном производстве, свидетельствует факт вытеснения каменных орудий металлическими.

Территория Пензенского края занимала промежуточное положение между среднедонской и средневожской областями распространения срубной культуры. В Прихоперье преобладало влияние среднедонского населения, а Верхнее Посурье являлось контактной зоной донских и средневожских племен, что нашло отражение в керамике присурских памятников. Бассейн Суры и Мокши относился к северной, периферийной части распространения срубной культуры, поэтому плотность населения здесь была несколько ниже, чем, например, в Саратовском Заволжье. Причем большинство исследованных памятников относится к раннему периоду развития, когда основу хозяйства срубных племен составляло оседлое, придомное скотоводство. В это время срубники наряду с мелким и крупным рогатым скотом разводили также свиней, кости которых, в частности, найдены на СтароЗахаркинском поселении. Недостаточная изученность данного региона пока оставляет открытым вопрос о вхождении данной территории в зону формирования срубной культуры. Наличие на ряде поселений (Красный Восток 1, Трашкин Бугор, Заметчино 2) покровской керамики, залегающей совместно с абашевской

посудой, теоретически позволяет допускать такую возможность. Однако подобных материалов немного, и их происхождение может быть связано с сезонными миграциями населения. Бесспорно одно – уже в раннесрубное время территория Пензенского края прочно входит в зону расселения срубных племен. В конце II тыс. до н.э. климат становится более засушливым, и для увеличивающихся стад скота корма вокруг поселка уже не хватает. Поэтому основная масса срубного населения переходит к кочевому образу жизни, необходимым условием которого был перегон скота в зимнее время на малоснежные земли Прикаспийских степей. Дорога туда и обратно занимала слишком много времени, поэтому срубные племена постепенно оставляют территорию нашего края¹.

Культуры позднего бронзового века лесостепной зоны. На лесные территории Среднего и Нижнего Примокшанья срубные племена практически не проникают, и здесь продолжает иметь место развитие прежних культурных традиций. В низовьях Мокши и на территории Среднего Поочья в XVII–XVI вв. до н.э. на основе посткатакомбного населения, продвинувшегося сюда с территории Верхнего Подонья, и при участии носителей керамики широмазовского типа происходит сложение поздняковской культуры. Впоследствии данное население попадает под мощное воздействие со стороны срубных племен, что ведет к заметной трансформации их культуры, изменению погребального обряда и появлению керамики, практически тождественной срубной посуде. Степень южного воздействия на лесные и лесостепные культуры, по-видимому, возрастает в период повышенной аридизации климата, имевшей место в XIII–XIV вв. до н.э. Об этом, в частности, свидетельствует появление степной «воротничковой» керамики ивановского типа на поселениях Шаверки 2, Красный Восток, Тезиково-Михайловское. В классическом своем проявлении поздняковские племена проникают только в низовья Мокши. На остальной территории Пензенского края происходит сложение носителей особого аким-сергеевского

типа керамики, названного так по поселению у с. Аким-Сергеевка в Zubovo-Полянском районе. Для керамики данного типа характерны горшки с плавно изогнутой шейкой и выпуклыми округлыми плечиками, имеющие сравнительно небольшое днище: плоское, уплощенное или округлое. Орнаментация, как правило, многорядовая. Находки каменных орудий на Аким-сергеевских поселениях не многочисленны. Для Аким-сергеевских поселений характерны полуземляночные сооружения прямоугольной формы с длинными коридорообразными выходами, направленными в сторону реки и смещенными к одному из углов постройки. Иногда фиксируется присутствие в очагах пережженных камней.

Генезис аким-сергеевских древностей связан с юго-восточной окраиной поздняковской территории, которая сначала попала под влияние со стороны приказанской культуры, а затем оказалась в ареале распространения культуры текстильной керамики. Степной скотоводческий компонент культуры в составе древностей аким-сергеевского типа, вероятно, не был большим, и поэтому данное население продолжало развитие традиционных лесных промыслов – охоты и рыболовства, чему способствовало расположение поселений в поймах рек около обширных лесных массивов. Широкие пойменные луга предоставляли хорошие возможности и для ведения придомного скотоводства. Поселения располагались в широких речных долинах Выши и Мокши на краю первых надпойменных террас и песчаных останцах, там, где были обширные пойменные луга, удобные для выпаса скота. Археологами исследованы поселения: Озименки, Красный Восток, Тезиково-Михайловское (Наровчатский район), Земетчино, Матчерка, Инерка, Сядемка 3 (Земетчинский район). Использование навыков и достижений, накопленных местными лесными племенами, придавало их хозяйству дополнительную устойчивость. Например, недостаток металла компенсировался изготовлением орудий из кремня. Каменные орудия, практически вышедшие из употребления у срубных племен, вновь получают распространение на памятниках аким-сергеевского типа.

Во время последней четверти II тыс. до н.э. наблюдается похолодание климата, что приводит на севере лесной зоны к усилению заболочиваемости и сомкнутости

¹ Ставицкий В. В. Некоторые итоги изучения позднего бронзового века Пензенского края // Пензенское краеведение: опыт, перспективы развития. Пенза, 2005.

лесов, которые из-за непроходимости становятся непригодными для жизни людей и, прежде всего, для ведения здесь производящего хозяйства. Экономика переселившихся сюда ранее скотоводческих племен переживает кризис. Часть их мигрирует к югу, остальные растворяются среди аборигенов. Местные племена культуры текстильной керамики перенимают некоторые наиболее эффективные в условиях лесной зоны элементы производящей экономики и развивают хозяйство комплексного типа, в котором заметную роль продолжают играть охота и рыболовство. Все это позволяет им успешно адаптироваться к новым неблагоприятным условиям. Постепенно они расселяются по территории всей лесной зоны и проникают в Примокшанье. Под их влияние попадает и аким-сергеевское население, на посуде которого появляются текстильные отпечатки. Впоследствии потомки данного населения принимают участие в сложении культуры раннего железного века.

Примерно в это же время, или несколько позже, на Мокше появляются племена, украшавшие свою посуду тычковыми вдавлениями, нанесенными на поверхность сосуда под углом палочкой с четырехугольным или треугольным концом. Несложные узоры представляют собой горизонтальные сильно разреженные пояски тычковых вдавлений. Нередко тычки наносились на поверхность сосуда беспорядочно. Иногда они образуют ряды треугольных фигур, расположенных под венчиком сосуда. Преобладают сосуды горшковидной формы со слабо профилированным венчиком. Реже встречаются баночные формы. Днища плоские.

На территории Примокшанья поселения с тычковой керамикой нередко располагаются на песчаных дюнах, в тех же самых местах, что и неолитические стоянки. На Верхней Суре они чаще приурочены к мысовидным выступам первой надпойменной террасы. Как на Суре, так и на Мокше тычковая керамика нередко встречается на возвышенных местах, там же, где и городища раннего железного века. В этих случаях выделение тычковой керамики финального бронзового века осложняется ее сходством с аналогичной посудой ранней городищной культуры. В Примокшанье тычковая керамика зафиксирована на поселениях: Скачки, Озименки 1, Волгапино, Большой Колояр 2, Новый Усад 3, городи-

ще Каргашино и др. Среди сопредельных регионов ближайшие аналогии в материалах данных памятников находят в древностях бондарихинской культуры на позднем этапе ее развития. Финал бондарихинской культуры на территории Сурско-Мокшанского междуречья, судя по материалам городищ раннего железного века, связан с участием местного населения в процессах формирования городищной культуры.

Ранний железный век. Значительные изменения, произошедшие в экономике населения лесной зоны в раннем железном веке, традиционно связываются с распространением железодельного производства. Однако в ранних культурных напластованиях городищных памятников, характеризующихся преобладанием текстильной и рогожной керамики, находки металлических вещей, как правило, отсутствуют. В основном из кости и рога изготовлены орудия, найденные на ранних городищах Среднего Поочья и Верхнего Подонья, где железо получает распространение только во второй половине I тыс. до н.э. Городищные памятники Пензенского края состоят из селищ, которые приурочены к поймам рек или к краю речной террасы, и укрепленных городищ, расположенных в труднодоступных местах, на высоких выступах второй надпойменной террасы. Большинство селищ имеют невыразительный культурный слой и, видимо, относятся к разряду сезонных, промысловых стоянок. Принято считать, что древнейшие городищные памятники датируются VIII в. до н.э., когда население Западного Поволжья вступает в эпоху раннего железного века. Сложение городищных древностей, видимо, связано с инфильтрацией племен бондарихинской культуры на север лесостепной зоны, южную часть лесной зоны, где происходит их интеграция с носителями культуры текстильной керамики. В южной части Волго-Окского междуречья наблюдается сложение синкретических традиций, которые первоначально были характерны как для городищных, так и для дьяковских древностей, что свидетельствует об их культурном единстве. Только в середине I тыс. до н.э., после того как на городищных памятниках получает распространение «рогожная» традиция украшения посуды, очаг зарождения которой связан с южной частью городищного ареала, происходит дифференциация этих культур.

Городецкие памятники, расположенные на территории Пензенского края, исследователи обычно относят к центральному (мокшанско-цнинскому) локальному варианту, хотя В. Г. Миронов считает, что по облику керамики они ближе к хвалынским городищам Нижнего Поволжья. На наш взгляд, пензенские памятники, как в культурном, так и в территориальном отношении, занимают промежуточное положение между данными локальными вариантами. С памятниками центрального варианта их роднит значительная доля сетчатой посуды в керамических комплексах, а с нижеволжским – широкое использование «рогожного» орнамента. На территории Пензенской области городецкие поселения расположены тремя локальными группами: Заметчинская – на р. Выше, Наровчатская – на р. Мокше, Пензенская – на Верхней Суре. Отдельные поселения выявлены на реках Хопер и Ворона. Памятники двух первых групп известны только по материалам подъемных сборов, в пензенской группе раскапывались четыре городища: Екатериновское, Золотаревское, первое и второе Ахунские. Причем Екатериновское городище исследовано М. Р. Полесских практически полностью, несколько лет изучалось В. А. Калмыковой первое Ахунское городище, а материалы Золотаревского городища, несмотря на большие вскрытые площади, представлены единичными фрагментами керамики. Достаточно представительные материалы получены В. В. Ставицким при раскопках Софьинского поселения на р. Хопер. В целом можно отметить, что на территории Пензенского Примокшанья городецкие памятники расположены достаточно плотно. В этнокультурном плане они тесно связаны с городищами среднего течения р. Мокши. На территории Верхнего Посурья городецкие памятники единичны. Их материалы в большей степени тяготеют к хвалынским городищам, отличаясь от них только наличием текстильной керамики.

В настоящее время неясно, имели ли место на территории Пензенской области процессы, связанные с формированием городецкой культуры. Памятники наиболее раннего типа с керамикой, украшенной только текстильными отпечатками, здесь пока не выявлены. Тычковая керамика бондарихинской культуры в ранних слоях пензенских городищ присутствует, а вот

второй компонент, принимавший участие в формировании городецких древностей, – культура текстильной керамики, представлен только на поселении Красный Восток (Наровчатский район). В целом городецкие слои пензенских городищ и селищ не отличаются большой мощностью, что наряду с немногочисленностью данных памятников на Суре и Хопре свидетельствует об ограниченном времени их бытования. На двух поселениях (Екатериновка и Софьино) найдены фрагменты сине-голубых бусин с глазчатым орнаментом, которые характерны для античных памятников Северного Причерноморья V–III вв. до н.э. О находках, датирующихся более поздним временем, связанных с городецкими слоями на территории данного региона, не известно. Вероятно, указанным интервалом ограничивается время бытования городецких памятников на Верхней Суре и Хопре. На территории Примокшанья они могли существовать дольше.

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения, до сих пор не достигнуто единого мнения о хозяйственно-культурном типе городецкого населения. Находок земледельческих орудий, связанных с пашенной обработкой земли в ареале городецкой культуры, не зафиксировано. Пашенное земледелие предполагает распространение специализированных орудий, связанных с жатвой урожая, – серпов, которые могли быть металлическими (железными) или составными с вкладышами из неорганических материалов. Единичные находки железных серпов известны на донских городищах Воргол и Дубики, где их появление могло быть обусловлено скифским влиянием. Небольшой обломок изогнутого лезвия, который мог принадлежать серпу или жатвенному ножу, найден на Теньгушевском городище в Мордовии. В качестве серпов могли использоваться заостренные, дуговидно изогнутые ребра животных, находки которых известны на ряде окских городищ. Подобные ребра коровы со следами сработанности также зафиксированы при раскопках Теньгушевского городища¹.

¹ Ставицкий В. В. К вопросу об уровне развития земледелия у населения Пензенского края в I тысячелетии до нашей эры // Актуальные проблемы агропромышленного комплекса в Поволжье: история и современность. Пенза, 2012.

По мнению ряда исследователей, для городецких племен была характерна подсечная форма земледелия, развитие которой было обусловлено природными факторами – расположением памятников в зоне широколиственных лесов. Предполагаемые следы подсеки были зафиксированы Е. И. Горюновой при обследовании площадки, примыкающей с внешней стороны к укрепленной части Теньгушевского городища, где был обнаружен слой почвы, густонасыщенный золой. При переложной системе земледелия использовались почвообрабатывающие орудия типа мотыг, заступов и палок-копалок. Эти орудия могли снабжаться наконечниками из кости или металла, отдельные находки которых на городецких памятниках известны. Небольшая железная мотыжка и обломок костяной мотыги были найдены на Теньгушевском городище. По всей видимости, земледелие, хотя и было известно городецкому населению, тем не менее не играло существенной роли в их хозяйстве¹.

Данные о скотоводстве городецкого населения основаны на остеологических материалах, полученных при раскопках ряда городищ, не менее 75 % костей в кухонных отбросах которых принадлежало домашним животным. С учетом того, что от домашних животных получали не только мясо, но и молоко, их доля в питании должна быть еще выше. О развитии молочного скотоводства, в частности, свидетельствуют находки днищ со сквозными отверстиями, служивших, видимо, для процеживания сыворотки. На Теньгушевском городище наблюдается существенное преобладание костей свиньи, на втором месте – кости лошади и крупного рогатого скота, совсем незначительный процент составляют находки костей мелкого рогатого скота. На Самозлейском городище на первом месте – находки костей лошадей и крупного рогатого скота, кости свиньи встречаются почти в два раза реже, но более представительны находки костей мелкого рогатого скота. Судя по долговременному характеру существования городищ, наличию в стаде большого числа свиней и крупного рогатого скота, скотоводство у городецкого насе-

ления было оседлым, или придомным. Охота на крупных лесных животных: лосей и медведей, также играла определенную роль в хозяйстве городецкого населения, однако незначительную. На городищах преобладают находки костей пушных животных: куницы, бобра, зайца, барсука, лисицы, белки и др. О занятиях рыболовством свидетельствуют находки рыбьей чешуи и костей, которые на Самозлейском городище составили около 8 %².

Культуры степных кочевников.

На юге с городецкими племенами граничили степные кочевники савроматы. В IV в. до н.э. за ними закрепилось название сарматы. На территории Пензенского края обнаружено более 30 находок савроматских кинжалов и коротких мечей-акинаков, три наконечника копья. По мнению М. Р. Полесских, появление этого оружия в крае объясняется торговыми связями между городецкими и скифо-сарматскими племенами. А К. Ф. Смирнов полагал, что находки савроматского оружия следует связывать с кладами городецких племен. Новые находки савроматского оружия позволили пересмотреть данные точки зрения. Восемь найденных акинаков имеют бронзовые рукоятки, что характерно для оружия переходного периода от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку. Практически у всех мечей рукоятка от клинка отделяется архаичными перекрестьями: почковидными, бабочковидными, сердцевидными, в сочетании с брусковидным навершием. Отдельные экземпляры имеют навершие в виде когтей птиц. Найденные акинаки имеют длину клинка от 20 до 40 см. Большой длиной отличаются мечи, использовавшиеся в конном бою, их клинки достигают 70–80 см. Большинство мечей-акинаков датируется временем не позднее VI в., реже VII в. до н.э., когда на Верхней и Средней Суре, по мнению В. Г. Миронова, городецких памятников еще не было, а на реках Выша и Мокша савроматского оружия не обнаружено. Не найдено кладов савроматских мечей ни на одном из городецких поселений Сурско-Мокшанского междуречья. Здесь присутствуют только сарматские наконечники стрел, сотни которых выпускались из лука кочевниками при осаде любой из крепостей. Маловероятно и то, чтобы савроматы вели

¹ Ставицкий В. В. К вопросу об уровне развития земледелия у населения Пензенского края в I тысячелетии до н.э. ...

² Там же.

с городецкими племенами торговлю оружием, которого сами они не производили. Да и зачем им было вооружать своих вероятных данников? Поэтому вряд ли между савроматскими и городецкими племенами имела место торговля, скорее – конфронтация или даннические отношения. Данные выводы подтверждаются фактами находок савроматских мечей непосредственно на курганах. Остатки впускного савроматского погребения обнаружены при раскопках кургана у с. Марьевка (Кузнецкий район). Особенно часто савроматское оружие встречается на водоразделе рек Узы и Хопра, где было обнаружено восемь акинаков и два наконечника копья. Вероятно, в этом районе находились летние кочевья одного из савроматских племен в VI–V вв. до н.э. Кочевой быт савроматов описан древнеримским географом Страбоном, который отмечал, что «...кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут. Вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют всегда за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами...»¹. В нашем крае лучшие пастбища располагались на степных черноземных почвах. К территориям, занятым подобными почвами, тяготеет подавляющее большинство находок савроматского оружия.

Савроматские племена переживали эпоху классообразования с далеко зашедшими процессами имущественного и социального расслоения. У савроматов происходило выделение вождей племенных союзов, окруженных привилегированной дружиной. Шло формирование особого слоя женщин-жриц, богатейшие захоронения которых обнаружены в ряде курганов. Накопление богатства происходило за счет контроля над торговым путем из Причерноморья в Среднюю Азию, а также в результате самостоятельной торговли скотом, шкурами и рабами с греческими городами-колониями. В целях обогащения савроматы принимали участие в грабительских походах скифов в Переднюю Азию. Собирали савроматы дань с окружавшего их оседлого населения.

Количество находок сарматских вещей, датирующихся IV в. до н.э., в крае невелико, и единичны предметы III в. до н.э. Данный факт, видимо, объясняется изме-

нением экологических условий. В это время климат становится более влажным, и границы лесов смещаются южнее. Кроме того, где-то на рубеже IV–III вв. до н.э., по сообщению историка Диодора Сицилийского, сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»². На освободившиеся скифские земли, возможно, переселились и племена, ранее кочевавшие по территории Пензенского края.

Население Примокшанья и Верхнего Посурья в первые века нашей эры.

Важные изменения в жизни населения Сурско-Окского междуречья происходят в начале нашей эры, когда на его территории появляются памятники писеральско-андреевского типа, важной особенностью которых становится подкурганное погребение умерших. Их появление, как правило, связывается с притоком нового населения, вступившего в контакты с местными городецкими племенами. Вопрос об этнической принадлежности пришельцев решается исследователями по-разному. До недавнего времени большая часть археологов относила его к сарматам, в движение которых были вовлечены и пьяноборские. Причем сарматы заняли господствующее положение среди подчиненных ими городецких и пьяноборских племен. Недавно В. В. Гришаковым и С. Э. Зубовым была обоснована гипотеза об их принадлежности к саргатской культуре, этнос которой определяется ими как ирано-угорский. По их мнению, коллективы завоевателей не были многочисленными и поэтому через некоторое время растворились в местной среде, дав толчок формированию новых культурных традиций³. Однако в последнее время получены новые материалы, свидетельствующие о том, что приток населения с востока в первые века нашей эры был достаточно внушительным и затронул не только Сурско-Окское междуречье, но и более северные территории вплоть до Молого-

² Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. – 1947. – № 4. – С. 251.

³ Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы // Археология Евразийских степей. Казань, 2009. Вып. 7. С. 77–88, 94.

¹ Страбон. География: в 17 кн. / пер. Г. А. Стратановского. – М., 1964. – С. 281.

Шекснинского междуречья¹. Судя по всему, в движение на запад племен саргатской культуры были вовлечены значительные массивы населения финнов Прикамья. Следует отметить, что подобная практика была весьма характерна для эпохи Великого переселения народов, когда отряды инициаторов миграции, как снежный ком, обрастали в пути представителями тех племен, по территории которых они проходили. Роль же городецких племен в формировании протомордовского населения, по всей видимости, преувеличена. Во всяком случае на территории Сурско-Свияжского междуречья, где проходили процессы сложения новых культурных традиций, памятники, датированные позднегородецким временем, крайне малочисленны.

Социальный строй вторгшихся завоевателей по всем параметрам соответствует «военной демократии». В захоронениях Андреевского кургана фиксируются погребения вождей и дружинников, вооруженных мечами, что говорит о наличии военной организации, созданной для грабежа и завоеваний. О том, что данная организация носила межплеменной характер, свидетельствуют достаточно широкая география распространения памятников писеральско-андреевского горизонта, а также тот факт, что с этого времени прекращается функционирование большинства городецких городищ, население которых, видимо, перемещается на неукрепленные селища. Вместе с тем некоторые хорошо укрепленные городища теперь, вероятно, приобретают роль межплеменных центров. К памятникам подобного типа, возможно, относится городище Пичке Сорче, расположенное в правобережном Посурье, на территории современной Чувашии, имевшее оборонительную систему, состоящую из двух линий валов и рва между ними. Интересно, что на данном городище обнаружен клад: железные браслеты, бронзовые бляхи и подвески, стеклянные бусы, голубые и золоченные. Подобные клады также зафиксированы на городищах Ножа Вар и Тиханкино. Заметную категорию вещей

в погребениях писеральско-андреевских могильников составляют предметы импортного, в том числе римского, производства, которые, видимо, были получены в ходе грабительских походов. Судя по концентрации подобных предметов (фибул, оружия, украшений, бронзовой посуды), датирующихся узким интервалом – серединой I в. н.э., писеральско-андреевское население приняло участие в войне римлян со свергнутым правителем Боспорского царства Митридатом VIII, основные события которой проходили на территории Центрального Предкавказья. Скорее всего они входили в состав племенного союза аорсов, который был привлечен римлянами для борьбы с сираками, выступившими на стороне Митридата. Война закончилась победой римлян, что позволило их союзникам вернуться из похода с богатой добычей. Видимо, таким образом в погребения Андреевского кургана попали боспорские украшения и северокавказское оружие, а также римские воинские фибулы Авцисса, традиция ношения которых была заимствована у римских легионеров.

На основе анализа материалов раскопок Андреевского кургана и расположенного рядом селища В. В. Гришаков и С. Э. Зубов пришли к выводу, что основой хозяйства оставившего их населения было скотоводство². Однако в условиях лесной зоны успешное развитие данной отрасли было возможно только при наличии пашенного земледелия, которое могло обеспечить необходимую кормовую базу для стойлового содержания скота в зимнее время. Отсутствие подобной базы, видимо, привело к ряду кризисных проявлений в развитии ранее выработанной модели хозяйствования. Одним из возможных решений данной проблемы было развитие подсечного земледелия, которое в условиях лесной зоны в некоторой степени могло предоставить альтернативу пашенной обработке земли. О развитии данного направления в экономике свидетельствует достаточно широкое распространение в погребениях Кошибеевского могильника втульчатых топоров-кельтов, главным назначением которых была вырубка лесных участков, но они могли использоваться и

¹ Ставицкий В. В., Ставицкий А. В. Об уровне социальной дифференциации волжских финнов в эпоху раннего железа // Столыпин: становление и реформирование российской государственности. Пенза, 2012.

² Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур... С. 66–69.

в качестве землекопных орудий. Однако в полной мере решить кризисные проблемы, видимо, не удалось, вследствие чего происходит определенный откат в развитии социальной стратификации населения Сурско-Окского междуречья. Судя по материалам Кошибеевского могильника III–IV вв., оставившее его население состояло из обедневших общинников, рядовых воинов – полноправных членов родоплеменного объединения и вождей-старейшин. В сравнении с памятниками писеральско-андреевского горизонта в его структуре отсутствует слой профессиональных воинов-дружинников, на которых опирались вожди межплеменных союзов. Соответственно, происходит ограничение их властных полномочий и понижение социального статуса. Если раньше при погребении вождей насыпались курганы, а их могилы сопровождалась захоронениями рабов или даже дружинников, то теперь вождей хоронят вместе со всеми на общих родовых кладбищах. По всей видимости, уровень экономического развития населения лесной зоны оказался недостаточным для того, чтобы в первой половине I тыс. н.э. сохранить строй «военной демократии».

Древняя и средневековая мордва.

К началу III в. н.э. на территории Сурско-Окского междуречья сложились основные признаки древнемордовской культуры, и с этого времени можно говорить о древней мордве как об этнокультурной общности. В период с III по VII в. здесь выделяются три территориально-хронологические группы древнемордовских памятников: в верховьях Суры и Мокши, в бассейне Тешы и в нижнем течении Суры. Начиная с III и вплоть до XII в. у этих групп характерным (общемордовским) украшением была женская височная подвеска в виде стержня, со спиралькой на одном конце и биконическим или бипирамидальным грузиком – на другом. На проблему происхождения сурско-мокшанской группы мордвы существует несколько разных точек зрения. По мнению М. Р. Полесских, в ее сложении приняли участие прикамские племена, которые вобрали в себя местную городецкую культуру, испытав при этом сильное влияние со стороны сарматского культурного мира. В. В. Гришаков в результате кластерного анализа керамики пришел к выводу, что в основе селиксенских (верхнесурских) традиций прежде всего лежат традиции андреевского населения.

С его мнением не соглашается В. И. Вихляев и утверждает, что верхнесурская группа памятников сложилась в результате автохтонного развития носителей городецкой культуры, без заметного влияния со стороны андреевских и цинско-мокшанских (кошибеевских – прим. авт.) племен¹. Следует отметить, что отсутствие в Посурье позднегородецких памятников практически исключает возможность широкого участия городецкого населения в формировании местной древнемордовской культуры. Более вероятно, что протомордовское население мигрировало сюда с территории Сурско-Свияжского междуречья в уже вполне сложившемся виде. Последнее подтверждается приуроченностью древнейших мордовских памятников к остепненным территориям Посурья, в то время как городецкие памятники тяготели к лесным районам Примокшанья. К настоящему времени в Верхнем Посурье исследовано шесть могильников первой половины I тыс.: Шемышейский, Альферьевский, второй Усть-Узинский, Степановский, Селиксенский и Селиксо-Трофимовский, материалы которых позволяют реконструировать картину социально-экономического развития местного населения. В сравнении с синхронными погребениями Кошибеевского могильника, здесь значительно слабее представлены производственный инвентарь и предметы вооружения, хотя украшений костюма и керамики здесь найдено не меньше. Данное отличие, видимо, объясняется тем, что кошибеевцы были прямыми потомками андреевского населения и в полной мере продолжили развитие их традиций. Набор предметов в присурских могильниках значительно ближе по своему составу к погребальному инвентарю не андреевского, а прикамского населения, где оружие и топоры в захоронениях II–III вв. встречаются значительно реже. По всей видимости, частота помещения вещей в могилу находилась в определенной (возможно, прямой) зависимости от степени их использования в повседневной жизни. Исходя из этого, можно предположить, что в III в. основным занятием местного

¹ Ставицкий В. В. Основные концепции этногенеза древней мордвы (историографический обзор) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6.

населения было придомное скотоводство, а подсечное земледелие, судя по малочисленности находок топоров, не играло существенной роли в экономике. Подсобное значение скорее всего имели охота, рыболовство, собирательство. Степень милитаризованности общества была значительно ниже, чем у андреевского и кошибеевского населения. Социальная дифференциация, видимо, носила половозрастной характер.

Вышеназванные черты в это время, вероятно, были характерны и для населения Верхнего Примокшанья. Материалы этого региона представлены небольшой группой погребений Ражкинского могильника, малочисленность которых затрудняет их интерпретацию. В. И. Вихляевым ранние погребения Ражкинского могильника относятся к цнинско-мокшанским (кошибеевским), поскольку в них отсутствуют височные подвески с грузиком, хотя по набору остального инвентаря они мало чем отличаются от присурских. Особенностью Ражкинского могильника является групповое расположение погребений, причем для одной группы характерен достаточно богатый набор погребального инвентаря, а для другой – бедный.

По мнению М. Р. Полесских и В. И. Вихляева, в IV в. на Верхней Суре наблюдается приток населения из бассейна р. Цны, что приводит к изменению погребальных традиций местного населения. Ранее подобной точки зрения придерживался и В. В. Гришаков, но затем он от нее отказался, придя к выводу, что данные изменения связаны с процессом развития местных локальных традиций¹. Как бы то ни было, ясно одно, что к этому времени в жизни верхнесурского населения происходит ряд важных перемен, и в погребениях значительно чаще начинают встречаться оружие и топоры-кельты. С одной стороны, это свидетельствует о возросшей роли подсечного земледелия, с другой – о том, что военные действия, видимо, приобретают регулярный характер. Последнее обстоятельство, вероятно, было обусловлено миграцией готов на территорию Северного Причерноморья, отголоски которой докатились и до мордовских племен. В результате давления готов часть финского населения Поочья вполне могла оказаться в Посурье. В бассейне р. Теши

приток данного населения уверенно фиксируется по материалам Абрамовского могильника. В это время верхнесурское население продолжает поддерживать связи с сарматами, при посредничестве которых к ним попадают бусы и некоторые украшения из римских провинциальных мастерских, скорее всего боспорских. Сами сарматы торговлей, видимо, не занимались, но торговые пути контролировали.

Этнополитическую обстановку в регионе в корне изменило гуннское нашествие, имевшее место в последней четверти IV в. Оно нарушило прежние торговые связи, и к мордве прекращается приток золотостеклянного бисера, которым украшали одежду и носили в виде ожерелий. Вместе с бисером на какое-то время прекратилось поступление и других необходимых товаров. Поскольку гунны и вовлеченные в их движение племена были заняты войной с Римской империей, то других серьезных последствий этого нашествия мордва первоначально, видимо, не испытывала. Тем не менее степень вооруженности присурской мордвы возрастает. Во второй половине IV – начале V в. на Селиксо-Трофимовском и Степановском могильниках фиксируются погребения вождей, один из которых был вооружен мечом и символически одет в кольчугу (ее фрагменты присутствовали в могиле), а второму в погребение были положены кольчуга и шлем, изготовленный по римскому образцу. Новый всплеск милитаризации мордовских племен наблюдается после того, как войска гуннского союза потерпели поражение в битве при Каталаунских полях, и часть кочевников вернулась в Волго-Донские степи. Как следствие, в конце V – начале VI в. на Армиевском могильнике появляется участок с погребениями, в которых были похоронены воины с мечами, копьями и топорами, т.е. практически с полным набором наступательного вооружения. По-видимому, они были дружинниками, о чем, наряду с находками мечей, свидетельствует присутствие в одном из захоронений боевого поясного набора, выполненного в раннегеральдическом стиле. Кроме дружины в боевых действиях принимало участие и народное ополчение, вооруженное копьями и луками. Примерно половину мужских захоронений на Армиевском могильнике составляли конные воины.

¹ Ставицкий В. В. Основные концепции этногенеза древней мордвы... С. 264–265.

Среди бытового инвентаря погребений V–VI вв. присутствуют примерно те же категории предметов, что и ранее. Это свидетельствует о сохранении прежних отраслей экономики. Возможно, что в это время несколько возрастает удельный вес подсечного земледелия, что подтверждается развитием лесорубных топоров-кельтов, которые одновременно могли использоваться в качестве мотыг для обработки земли. Наряду с универсальными орудиями, лезвие которых не имело угла наклона по отношению к линии втулки, появляются кельты с лезвием, расположенным под углом, что повышало их производительность при рубке деревьев. Кроме того, наблюдается увеличение размеров лезвия и общего веса топора.

В начале VII в. прекращает функционировать Армиевский могильник, а в первой половине VIII в. и Младший Селиксенский. По всей видимости, значительная часть мордовского населения Верхнего Посурья покидает данные территории и переселяется на Цну, Вад и Мокшу. Причиной этого скорее всего явилась миграция болгар в Среднее Поволжье. На какое-то время в зону их кочевий попали остепненные пространства Верхнего Посурья, и жить здесь стало небезопасно. Какая-то часть мордовского населения осталась, но была ассимилирована. Данный процесс иллюстрируют материалы Армиевского курганно-грунтового могильника, где в X в. на месте мордовского грунтового кладбища IX в. появляются курганные насыпи. Вместе с тем меняется обрядность грунтовых погребений, которые содержат значительно меньше вещей, и нередко в могилах отсутствуют костяки. Видимо, умершего первоначально оставляли на воздухе до полного разложения трупа, что впоследствии приводило к практически полному истлеванию костей в могиле. Также меняется ориентировка погребений: с южной – на западную. Эволюция данного обряда, вероятно, привела к тому, что впоследствии умерших перестали закапывать в землю, поэтому в XI–XII вв. погребальных памятников на территории Верхнего Посурья вообще не найдено.

Мордовское население, которое в конце VIII в. мигрировало в лесные районы бассейна Цны и Мокши, смогло сохранить свою этническую культуру. Этим временем

в Пензенской области датируются могильники Пановский (на р. Выше) и Красный Восток (на р. Мокше). По набору инвентаря и особенностям погребального обряда они представляют собой развитие традиций Армиевского грунтового могильника V–VI вв. и Младшего Селиксенского могильника. Умершие похоронены в основном головой на юг (в Пановском могильнике – на юго-восток). Для женских погребений характерен богатый набор украшений, среди которых височные подвески с грузиком. В мужских погребениях, в сравнении с армиевскими, значительно меньше содержится клинкового оружия, зато появляются боевые топоры-чеканы салтовского типа. В воинских погребениях нередко находят и салтовские пояса с геральдическими накладками, а также серьги с шишечкой в верхней части кольца и шариком на конце. Появление подобных воинских наборов в мордовских могильниках объясняется аланским влиянием. Аланы входили в состав Хазарского каганата, которому цнинская мордва была вынуждена выплачивать дань. Мордовская родоплеменная верхушка, вероятно, принимала участие в военных мероприятиях хазар. В частности, в IX в. каганат вел постоянные войны с Волжской Болгарией, в которые была вовлечена и мордва. Участвуя в походах алан, мордовская родоплеменная верхушка перенимает аланское вооружение и детали воинского костюма, а также некоторые погребальные обычаи (трупосожжение, скорченные захоронения женщин на боку). В арабских источниках эти военные столкновения, видимо, нашли отражение в описаниях постоянных набегов буртасов на болгар и болгар на буртасов.

С VI–VII вв. на мордовских памятниках появляются находки серпов, что, видимо, связано с переходом к интенсивным формам земледелия, скорее всего пашенного. О находках металлических сошников этого времени ничего не известно, но они могли быть деревянными. Распространение пашенного земледелия обусловило превращение лошади из верхового животного в тягловое, что хорошо согласуется с сокращением находок деталей конской упряжки в воинских погребениях. До VI в. количество мужских погребений с оружием и удилами могло достигать до 50 %, в первой половине VIII в. – их уже не более 20 %,

а во второй половине VIII – X в. – всего 5 %¹. В связи с этим А. Е. Алиховой даже была высказана точка зрения, что у мордвы в это время на смену конной дружине приходят пешие воины², что вряд ли оправдано, поскольку сокращение количества конных воинов скорее свидетельствует об обратном. До этого времени конный характер носила не дружина, а народное ополчение. Теперь же, когда у основной массы рядового населения кони использовались в хозяйстве в качестве тягловой силы, содержание ездового коня становится привилегией родоплеменной верхушки, представители которой, видимо, составляют всадническое сословие, хорошо известное по античной истории. Военская дифференциация в данном случае является показателем процессов социального расщепления, которые получают развитие в последней четверти I тыс.

После разгрома князем Святославом Хазарского каганата этнополитическая ситуация на территории Сурско-Мокшанского междуречья вновь изменяется. В результате распада этого объединения с политической арены уходит основной противник Волжской Болгарии, которая усиливает свою экспансию в регионе. С другой стороны, начинается проникновение в бассейн р. Цны русских переселенцев. Ряд погребений Пановского и Елизавет-Михайловского могильника содержит некоторые типично славянские вещи, в том числе горшки, шиферные пряслица, витые браслеты и др. Все это приводит в XI в. к оттоку местного мордовского населения на Вад и Мокшу, где появляется ряд новых могильников. С этого времени и до татаро-монгольского нашествия дальнейшее развитие региона определялось противостоянием русских княжеств и Волжской Болгарии.

¹ Шитов В. Н. Вооружение мордвы во второй половине I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 75.

² Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. до н.э. // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 15.

§ 2. Русская колонизация Пензенского края

В современном русском языке термин «колонизация» ассоциируется с негативным явлением захвата чужой страны и превращением ее в колонию, а следовательно, и борьбой аборигенов против своих угнетателей. Мы же исходим из того, как трактовался этот термин российскими историками XIX в. и пензенским краеведом В. И. Лебедевым в 70–90-е гг. XX в. Под русской колонизацией они видели расселение русских за пределами первоначальных границ Московского государства и присоединение на этой основе новых земель. На наш взгляд, наиболее яркая иллюстрация этого термина дана В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка». Слову «колонист» он дает такое объяснение: «поселенец из другой земли; переселенец, занимающийся земледелием»³.

Не вдаваясь в терминологические подробности, обратим внимание на следующие моменты. Русская колонизация Пензенского края была как *вольной*, т.е. когда люди по собственному желанию переселялись сюда из центральных районов страны, так и *государственной*, т.е. когда эти земли включались в состав Русского государства, с последующим строительством городов-крепостей, созданием военных гарнизонов, раздачей земель феодалам и т.п.

Вольная колонизация нашего региона, по мнению историков, началась в VII–X вв. В это время появились первые сведения арабских авторов о славянских поселениях в Поволжье.

Монголо-татарское нашествие на время приостановило движение русских в Поволжье. Но по мере укрепления Московского государства увеличивался сюда приток русского населения. Не последнюю роль в этом процессе играла дипломатия русских князей. Дипломатические отношения обычно устанавливались путем заключения браков. В качестве приданого русские князья получали земли и города в Поволжье. Но самым главным аргументом все же были военные походы. Причем после Куликовской битвы в них стали принимать активное участие и народы Повол-

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 2. С. 140.

жья, стремившиеся освободиться от ненавистного ига. Результатом военных походов было присоединение к Москве в 1392 г. Нижнего Новгорода, откуда и пошла дальнейшая колонизация Поволжья.

Однако возникшее в 1430–1440-х гг. новое феодальное государство – Казанское ханство – мешало продвижению русских в Среднее Поволжье. Поэтому основной внешнеполитической задачей Московского государства на востоке была его ликвидация, что и было сделано в 1552 г. Присоединение Казанского ханства к Русскому государству имело огромное значение для истории России. Русское национальное государство стало превращаться в государство многонациональное.

Присоединение Казанского ханства не было единовременным актом, потому что в южных степных районах Поволжья безраздельно господствовали ногайцы и кубанцы (кочевые народы), которые постоянно совершали набеги на вновь присоединенные земли. С целью их обороны здесь начинают строиться русские города-крепости: Васильсурск (1523 г.), Алатырь (1552 г.), Красная Слобода (1536 г.), Новый Темников (1536 г.), Новый Кадом (1536 г.), Самара (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.) и др. Это значительно усилило позиции русского населения в Поволжье.

Кроме городов возникали многочисленные села, деревни, починки, займища. Они располагались на землях, розданных правительством светским и духовным феодалам. Русские поселения обычно отесняли коренное население в глухие лесные районы. Опустевшие нерусские поселения заселялись русскими, сохраняя при этом во многих случаях свои прежние названия.

В XVII в. идет еще более интенсивное расселение русских на территории нашего края. Это связано с тем, что здесь в это время начинается планомерное строительство сторожевых укрепленных линий – «засечных черт», потому что построенные ранее русские города-крепости уже не справлялись с задачей по охране этих земель. «Засечные черты» состояли из земляных валов, лесных просек с завалами из срубленных деревьев, поваленных вершинами к неприятельской стороне. «Засека и заруб, – говорится в «Лексиконе...», составленном в XVIII в. выдающимся русским историком В. Н. Татищевым, – делаются в лесах для препятствия неприятель-

ского прихода, с некоторыми на проездах укреплениями...»¹. Мирская история не знает других примеров использования лесов для защиты границы, протянувшейся на сотни километров.

Лесные завалы устраивались не на опушке, а в глубине леса, чтобы замаскировать «засеку» от врага. Деревья рубились выше человеческого роста. Ствол поваленного дерева падал по направлению «к полю», в сторону противника, а деревья оставались на пне. Таким образом, образовывалась линия своеобразных «надолб», между которыми находились сваленные деревья. «Надолбы» и сваленные верхушками вперед деревья составляли непроходимую полосу. Воеводы строго охраняли «засеки», старались предупреждать лесные пожары, местному населению запрещалось появляться в заповедных лесах. За состоянием лесных завалов следили специальные «засечные сторожа». Повреждения на «засеках» немедленно устранялись, делались дополнительные завалы, а в случае невозможности восстановить «засеку» строили другие препятствия – валы, рвы, «волчьи ямы» и т.д.

Первые города Пензенского края – Керенск (нынешний Вадинск), Верхний Ломов, Нижний Ломов – были построены на «засечной черте» в 1635–1645 гг. В 1638 г. начато строительство городов и острогов на линии Шишкеево – Саранск – Атемар – Сурский Острог и далее до Симбирска. В 1647–1653 гг. строится укрепленная линия с городом Инсаром, острогами Потижским, Кортляевским и Лухменским. В 1663 г. возводится город-крепость Пенза со своими пригородами Рамзаем и Мокшаном, с валом между ними. В 1680-х гг. начато, но не окончено строительство черты от Пензы до Сызрани.

Такова самая краткая хроника фортификации края, положившая начало его массовому заселению.

Удивительно, но задолго до основания первых городов-крепостей, не имея никакой военной защиты от кочевников, здесь уже стояли русские населенные пункты. Как ухитрялись они существовать, ведь они оказывались совершенно безза-

¹ Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочинен господином Тайным Советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. СПб., 1793. Ч. III. С. 34.

щитными при ногайских набегах? Перед нами – образец народной дипломатии, у которой даже ныне не грех поучиться.

Строительство «засечных черт» обезопасило эти земли, что дало толчок активной помещичьей и вольной колонизации. В XVII в. земли Пензенского края жаловались дворянам, детям боярским, служилым людям, которые перевозили на них своих крепостных крестьян из центральных областей России. Как же происходил отвод в поместье пустующих земель дворянам и служилым людям? В Пензе полным хозяином был воевода. Во исполнение царского указа он отводил земли тем, кто нес обязанности по защите рубежей. Заводилась «Строельная книга», в которую поименно записывались все пограничники, посадские люди, священнослужители и т.д. «Строельная книга» г. Пензы, составленная при воеводе Е. П. Лачинове, дает богатый материал о первоначальной истории нашего города¹.

Судя по этому документу, размеры земельных владений равнялись: у начальных людей (сотников, пятидесятников и т.д.) – от 30 до 80 четвертей (примерно от 16 до 44 га), конных казаков – 12 четвертей (6,72 га), пеших казаков, пушкарей, засечных сторожей и воротников – по 6 четвертям (3 га). Кроме того, выделялись сенные покосы с тем, чтобы каждому служилому человеку достались угодья, с которых можно было взять от 50 до 100 копен сена. Воеводам, подьячим, поручикам и прочим лицам офицерского чина, как правило, дворянам, полагались более обширные угодья – 200 (112 га), 250 (140 га) четвертей. В последующем в нормы земельного жалования вносились, по просьбам челобитчиков, изменения, обычно в сторону увеличения. Прибавка к земельному жалованию осуществлялась за раны, особое отличие в сражениях, выслугу лет.

Естественно, вблизи города угодий на всех не доставало, потому что численность служилых людей была высокой. Поэтому одновременно с заселением города и пригородных слобод основывались дальние слободы, превращавшиеся впоследствии в села и деревни.

¹ Тихомиров И. А. Строельная книга города Пензы как материал для истории заселения Восточной России в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1908. Ч. XVII. С. 100.

К северу от Пензы цепочкой вдоль левого берега Суры по Саранской большой дороге шли слободы Пензяцкая (Ухтинка), Бессоновская, Колоярская, Ванзыбейская, Вазерская, Пыркинская, Кутлинская, Пелетьминская. Первые негородские селения возникали чаще всего в тылу «засечной черты», со временем в связи с нехваткой хорошей земли или сенокосов служилые люди ставили деревни за валом – в «диком поле». Здесь следует пояснить значение этого термина. В результате опустошительных монголо-татарских походов и истребления населения степные пространства Восточной Европы превратились в «дикое поле ковыля», т.е. перестали обрабатываться, а люди из числа тех немногих, кто сумел уцелеть и не стать добычей хищников-кочевников, стали селиться в дремучих лесах. Понадобятся столетия, придется пролить немало крови и пота простому люду, чтобы снова степи были заселены и обжиты.

Отвод, или, как тогда говорили, отказ и межевание, земельных угодий – дач – происходил следующим образом. Для отказа и межевания выезжали подьячий приказной избы, пристав, представители служилых людей и «сторонние люди», т.е. свидетели из ближайших деревень, знавшие эти места. Вместе они объезжали урочища, составляя их словесное описание и ставя межевые знаки на столбах, закопанных в ямы с насыпанными углями, берестой или камнями, вытесывали на приметных деревьях грани. Затем составляли документ, называвшийся «Отказная книга», которая подписывалась всеми участниками этой процедуры. Редкий из участников поездки знал грамоту. За своих прихожан обычно расписывался священник, за служилых людей – пристав или площадной подьячий из города.

В качестве образца приведем в сокращении одну из «Отказных книг»². Для удобства чтения мы поставили лишь знаки препинания, которыми в то время еще не пользовались при письме, да в минимальной степени осовременили кое-где орфографию.

«Лета 7208 (1699 г.), октября в 15 день, по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великая и

² Полубояров М. С. «Отказные книги Пензенского края» – уникальный источник по истории его заселения. URL: <http://suslony.ru>

малыя и белыя Росии самодержца стольник и воевода Гаврил Яковлевич Тухачевский с товарищи велел ехать пензенцу Давыду Протопопову да пензенские приказные избы подъячому Ивану Лебедеву за вал, на землю пензенских пеших стрельцов пятидесятника Матюшки Сычюгова с товарищи для того.

В прошлом 207-м году, июля в 1 день, писали на Пензу думной дворянин и воевода Степан Богданович Ловчиков с товарищи к стольникам и воеводам Гавриле Яковлевичу, Якову Гавриловичу Тухачевским. А в отписке его (Ловчикова) написано:

...били челом великому государю пензенские пешие стрельцы пятидесятник Матюшка Сычюгов с товарищи: в прошлы де годах по указу великого государя построен город Пенза, а они де, Матюшка с товарищи, переведены из разных городов на Пензу на вечное жительство при воеводе Елисее Лачинове и построены в стрелецкие службы. И вместо де великого государя денежного и хлебного жалования отведено им в дачу на пашню земли по шести четей (четвертей) человеку в поле, а в дву по тому ж (т.е. 18 четвертей в системе трехполюя) да сенных покосов... два поля к Шипин бору (находился к западу от г. Пензы), а третье за рекою Пензою – от устья речки Ардыма... Великий государь пожаловал бы Матюшку с товарищи, велел (бы) за многие их службы и за татарское многое разорение, и за полное терпение намерять земли и сенные покосы... по двенадцати четей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов по конец их стрелецких дач...

И велел им, пешим казакам, пятидесятнику Матюшке Сычюгову с товарищи, старой их дачей – против строельных книг, что дано им по шести четей человеку – и что вновь велено добавить им к старой их даче по шести ж четей человеку в поле, а в дву по тому ж... да сенных покосов по сто копен в старых их межах и гранях измерить в десятины и положить в четверти...».

В конце документа поименно перечисляются «сторонние люди», засвидетельствовавшие справедливость отвода земель. За них руку приложил пензенский площадной подъячий Ивашка Киров.

Пахотных угодий у порубежников было так много, что они, при всем своем усердии, не могли их обработать. Основной задачей гарнизонных и станичных людей

являлась оборона. С весны до осени они находились в дальних разъездах, карауля участки «дикого поля», строили новые и ремонтировали старые оборонительные сооружения, сопровождали правительственные и торговые караваны через степь. Кроме того, порубежников регулярно верстали в русские полки для участия в походах против Литвы, Польши, Крыма, Швеции, посылали усмирять башкир и мятежных казаков. Земля же обрабатывалась кое-как либо вообще пустовала. Что делает болеющий душой за нее человек? Зовет родственников. И родня ехала со старой родины на Пензу, иной раз получив разрешение властей, а иногда самовольно. Большую роль в заселении пензенских земель сыграли и беглые крестьяне. Они селились не только на землях, принадлежащих русским помещикам, но и на свободных, еще не захваченных феодалами территориях, зачастую вместе с татарами, мордвой и чувашами. Шли сюда и «свободные», и «охочие» люди (государственные крестьяне), которые основывали новые деревни и села. Оставалось здесь и немало ссыльных крестьян. Их ссылали из центральных областей России в Сибирь, но местные феодалы, нуждаясь в рабочей силе, перехватывали их, а правительству сообщалось, что они либо сбежали, либо умерли.

Новых поселенцев подъячие приказной избы записывали в книгу и, обязав платить с тягла столько, сколько они платили на прежнем месте жительства, отпускали строиться. Новоприбывшие пополняли старые слободы и деревни. Иные селились поблизости на землях, ранее отведенных их родственнику. Из этих мигрантов верстались в службу молодежь и лица зрелого возраста, которые тут же коллективно «били челом» об отсутствии у них пашни и ее получали.

За новоприбывших должны были поручиться старые служилые люди. Причем составлялась поручная запись наподобие присяги. Вот примерный текст драгунской присяги: «Такого-то года, такого-то дня. По указу великого государя нас, (выборного) полку драгунов, ручали в том, что нам великому государю службу служить верно и над казной его, великого государя, дурна и хитрости никакой не учинить, лошадей и ружья и строевого платья не продавать и не терять, и с службы не бегать, вином и табаком не торговать, зерню и в карты не иг-

рать и с воровскими людьми не знаться и пьяным не напиваться»¹. Поруку скреплял своей подписью священник.

Постройка этих военных поселений ставила целью не допустить изоляции города-крепости Пензы от ранее построенной «засечной черты». Они растянулись вдоль левого берега Суры до Большого Вяса, а далее до Саранска. Линия этих поселений весьма надежно защитила сурскую долину, по которой проходила Ногайская дорога. И эта территория стала быстро заселяться русскими, при сохранении старинных мордовских и татарских сел.

Отмечая этот большой успех Русского государства, нельзя, однако, забывать о том, что создание прочной обороны потребовало огромных затрат. Масса наиболее способного населения была отвлечена от производительного труда для несения сторожевой службы на границе. Затраты на строительство новых крепостей, создание «засечной черты», содержание постоянных гарнизонов и сторожевых «станций» поглощали немалую часть государственной казны. И это бремя русский народ нес на своих плечах столетиями!

Не поддаются исчислению прямые убытки, причинявшиеся татарскими набегами. Крымцы и ногайцы опустошали целые области, сжигая города и села, разоряли хозяйства, угоняли коней и скот. Еще меньше поддается учету ущерб, наносившийся хозяйству страны уводом массы населения в татарский полон. По данным историков, только в первой половине XVII в. татары увели в плен от 150 до 200 тыс. человек.

Огромные суммы уходили ежегодно в Крым в качестве «поминок» хану и мурзам, расходов на содержание крымских послов и т.д. Только за первую половину XVII в. на эти цели было израсходовано из московской казны около 1 млн руб., т.е. в среднем по 26 тыс. руб. в год – по тем временам весьма крупная сумма: на нее можно было построить четыре новых города².

¹ Полубояров М. С. Заселение Пензенского края в XVII – начале XVIII в. URL: <http://suslony.ru>

² Каргалов В. В. На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 171.

После перевода в конце 1690-х гг. большого количества пензенских служилых людей вместе с семьями в Азов, на Хопер и Медведицу их земли и пустые дворы заняли крестьяне, переведенные крупными помещиками из отдаленных сел центра России. Чаще всего новыми владельцами становились представители знатных фамилий. Так, бывшая казачья Бессоновская слобода стала вотчиной боярина Василия Федоровича Салтыкова. Вазерки, Пыркино, Проказна, Сандерки, Кутля стали собственностью графа Головкина, князей Голицыных, Трубецких, Щербатовых и Шереметьевых.

Заселение нашего края русскими продолжалось и в последующее время. Но все же наиболее интенсивно этот процесс проходил в XVII в.

Как и во всем Поволжье в деле колонизации нашего края огромную роль играла христианизация нерусского населения. Христианизация в некоторой степени способствовала смешению с местными народами. Единоверие устраняло основную причину, которая препятствовала заключению браков русских с татарами, чувашами и мордвой. Поэтому предками многих русских нашего края в прошлом были нерусские народы, которые постепенно ассимилировались, но сохранили лишь отдельные черты материальной культуры, и которые наиболее были приспособлены к местным условиям. Все это не могло не сказаться на русском языке, материальной и духовной культуре, что придавало своеобразие русскому населению Пензенского края.

Так, например, по языковым диалектам (говорам), отдельным элементам материальной и духовной культуры принято делить русских на три большие группы: северную, южную и среднюю. Причем в г. Пензе господствует среднерусский говор, которому свойственно: а) аканье (например, в[а]да, к[а]рова, м[ъ]л[а]ко и др.; б) взрывное произношение звука [г] (город, гусь, глина и др.); в) окончание на -я в родительном и винительном падежах местоимений *у меня, от тебя, про себя*; г) окончание -т в 3-м лице глаголов *идет, сидит, идут, сидят*. Анализ документальных источников также показывает, что русские переселялись в наш край в основном из центральных районов России – Московской, Тамбовской, Рязанской и Нижегородской земель. Поэтому у нас и преобладает

население, относящееся к средней группе русских.

Активное участие местного населения в формировании русской народности привело к тому, что по внешним физическим признакам русские в нашем городе мало отличаются от коренных жителей. Обогатился русский язык рядом слов и выражений, характерных для поволжских народов. Например, слово «бешмет» обозначает старое пальто; «казан» – котел; «сабан» – плуг; «калякать» – говорить и т.д. Так, с годами в пензенском этнографическом котле «сварилась» настолько колоритная разновидность русского человека, что ее безошибочно стали определять в любом уголке страны.

§ 3. Основание г. Пензы

На живописных берегах рек Пензы и Суры издавна проживали люди. О седой старине этих мест рассказывает наука археология. Проводя раскопки, археологи узнали, что первое поселение людей на месте, которое сейчас занимает наш город, появилось еще в эпоху неолита (новый каменный век), примерно в III тыс. до н.э. В хозяйстве неолитического человека первое место занимало рыболовство. В наших реках водилось много рыбы. Наряду с рыболовством большое значение в хозяйстве неолитических племен имела охота. Пойменные леса изобиловали дичью и зверьем, охота на которых не только кормила, но и одевала людей. В летнее время женщины и дети собирали плоды дикорастущих деревьев, съедобные травы (лук, чеснок, щавель и др.), ягоды, корни растений, ракушки, яйца водоплавающей птицы.

После потепления климата и наступления на север степей, которые потеснили леса, в наших краях появились ираноязычные племена скотоводов. Археологи называют их срубниками – за обряд погребения, бытовавший у этих племен. Своих умерших они хоронили в яме, обложенной срубом, сверху которого насыпался небольшой курган. Такие курганы и сейчас еще встречаются в нашей области. Основным занятием срубников было скотоводство. Летом

скот пасли на богатых травой пойменных лугах вблизи поселков, зимой его кормили заранее заготовленными кормами. Эти племена были знакомы уже с выплавкой металла, и свои орудия они изготавливали из бронзы, которая доставлялась сюда с Северного Кавказа или Урала. В окрестностях современной Пензы археологи обнаружили четыре поселения срубников. Люди жили в больших полуземлянках, углубленных в землю до половины их высоты. Стены возводились из бревен, а крышу сплетали из прутьев. Часть хижины использовалась как хлев или склад для продуктов. В каждом жилище было несколько очагов, и проживало в нем несколько семей, а во всем поселении – примерно 200–300 человек.

К концу II тыс. до н.э. климат нашего края стал более засушливым, а пастбища – скудными. В связи с тем, что кормов для увеличивающегося количества скота не хватало, основная масса срубников покинула эти места и переместилась в южные Прикаспийские степи.

После того как эти племена покинули наш край, какое-то время здешние места оставались безлюдными, пока в I тыс. до н.э. здесь не появились племена городецкой археологической культуры. Свое название эта культура получила по наименованию с. Городец Рязанской области, возле которого было найдено первое городище. Предками городецких племен были финно-угорские племена. На рубеже нашей эры городецкая культура «переросла» в древнемордовскую. Во II в. на месте Пензы появилось древнемордовское селище, о жизни которого рассказали раскопки Пензенского могильника. Мордва являются аборигенами (наиболее древними) жителями Пензенского края.

Замечательным историческим источником конца XVII в. являются отказные книги (документ о выделении кому-либо земельных угодий). Так, в отказных книгах 1680-х гг. Пензенского уезда имеется упоминание о местности «где бывала пашенная земля и поляна, где было старое жилище... подле мордовского кладбища»¹. Из документа ясно, что в окрестностях современной Пензы находилось древнее мордовское поселение, существовавшее задол-

¹ Полубояров М. С. Город Пенза. URL: // <http://suslony.ru>

го до строительства города. С включением Пензенского края в состав Московского государства часть мордовского населения пополнила ряды служилых людей.

Рассказ о мордовском народе лишь еще раз подчеркивает, что до постройки крепости Пензенский край не был пустынной местностью. В старину на Руси говорили – «срубить город», т.е. обнести определенное место для защиты рубленными бревенчатыми стенами вместе с башнями, бойницами и воротами. Пензу «рубить» начали весной 1663 г. Первым документом об основании г. Пензы является запись о выдаче из Ствольного приказа оружия в распоряжение военачальника Юрия (Георгия) Ермолаевича Котранского от 3 мая 1663 г.: «7171-го (1663) мая в 3 день... велено дать в посылку, что послать за Ломовскую черту на реку Пензу с Юрьем Котранским, где ему велено город строить, послать сто шпаг»¹.

Идея основания крупного города именно на этом месте обусловлена заботой о безопасности государства. Там, где р. Пенза впадала в Суру, находился перекресток дорог из Заволжья и Нижней Волги. Большая дорога (другие ее названия: Московская, Ногайская, Посольская, Астраханская, Саратовская) проходила с низовьев Волги, вдоль степного левого берега р. Узы, через старое устье р. Пензы и связывала Москву с Астраханью. Вторая дорога проходила от Жигулевской луки (места старинного брода через р. Волгу) двумя параллельными ветками по правому и левому берегам Суры. По левобережью ездили в Симбирск, поэтому иногда эту дорогу называли «Большой Симбирской». Правобережный маршрут вел в Казань.

Заволжье и Казанский уезд в то далекое время были дикой окраиной России. Оттуда для молодого города исходила угроза – нападение башкир. Документы рассказывают, что в 1668 г. пензенцы выдержали с башкирами бой на «Мокшанских вершинах», и с тех пор сюда последние больше не приходили².

В июне-июле 1663 г. на место строительства крепости прибыл Ю. Е. Котранский, который стал руководить подготови-

тельными работами. К этому времени для создания необходимых условий (размещение строителей, ратных людей, провианта, вооружения) у впадения р. Суры в Пензу был построен острог, получивший название «Черкасского». Черкасами в XVII в. в России называли украинцев. Он располагался в малозаметном месте – так, чтобы с юга от степи его прикрывала поросшая густым лесом гора, на склоне которой и намечалось строить крепость. Сейчас это место в городе можно найти лишь по названию старинной улицы – Старо-Черкасская. Существует предположение, что Черкасский острог находился на одном из островов в том месте, где Пенза впадала в Суру (район современного Бакунинского моста). Логика подобных рассуждений заключается в том, что на острове служилые люди в случае военной опасности могли чувствовать себя в большей безопасности под защитой русел двух рек. Но, во-первых, русла рек здесь можно было преодолеть вброд, это не остров Соловки и даже не Свияжск на Волге. Наконец, островной острог каждой весной сносило бы мощным половодьем, и его пришлось бы ежегодно отстраивать заново с большим напряжением сил³. Поэтому версия с островным острогом не годится. Гипотеза о древнем происхождении Черкасского острога (во времена Ивана Грозного) также ничем не обоснована, кроме церковного предания, созданного священнослужителями для придания имевшейся в местной церкви иконе Казанской Богородицы, якобы подаренной городу Иваном Грозным и спасшей город в августе 1717 г. во время нападения кочевников из Крыма, ореола «чудотворной»⁴.

Одновременно с сооружением острога велись работы по заготовке леса для стен крепости, делались срубы башен, административных и иных зданий, которые предстояло возвести. Круглосуточно несли службу охранные дозоры, наблюдавшие за «диким полем». Под их прикрытием с самого раннего утра и до позднего вечера строилась Пензенская крепость. Для этого потребовалось большое количество леса. Откуда же его брали наши предки? В до-

¹ Пензенский край XVII в. – 1917 г.: Документы и материалы. Саратов, 1980. С. 5.

² Хвощев А. Л. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 82.

³ Полубояров М. С. Город Пенза...

⁴ Бурлуцкий Я. П. Чудотворная икона Казанской Божией Матери в Пензенском кафедральном соборе // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. – № 14, 17.

кументах XVII в. к северо-западу от крепости Пензы значился лес, который назывался «Шипин-бор», «Шилим-бор», «Шип-бор»¹. Он простирался (по современным ориентирам) от Западной поляны до д. Мастиновки. В документах указывается слово «бор», т.е. сосновый лес. Но сейчас никакого соснового леса здесь нет. По-видимому, бор был использован на строительство крепости и последующих оборонительных укреплений. Сейчас здесь находится дубовая роща и смешанный лес, высаженные нашими предками.

К этому времени на берегу р. Пензы сосредоточились значительные силы. Об этом нам рассказывает документ, хранящийся в фондах Оружейной палаты в Москве. В нем говорится (в июле 1663 г.): «Великий государь и великий князь Алексей Михайлович... указал взять ис Казанского приказа в приказ Большого дворца пять киндяков разных цветов, а те киндяки... послать на Пензу к Юрию Котранскому на знамена...»². Этот документ интересен тем, что позволяет хотя бы приблизительно определить численность служилых и ратных людей, участвовавших в строительстве города.

Киндяк – это шелковая ткань, из которой шили знамена. По существующему положению они вручались каждой боевой единице, в качестве которой выступала тогда сотня, имевшая свой цвет знамени, иначе говоря, в распоряжении Котранского было пять сотен служилых людей.

Мы мало знаем о жизни первого строителя Пензы. Нам известно, что Юрий Ермолаевич родился в Виленском воеводстве (ныне территория Литвы). На русскую службу он перешел после 1655 г., когда российским правительством проводился набор иноземных офицеров на воинскую службу. Первое упоминание о Котранском в русских исторических документах относится к 1660 г., когда он был воеводой г. Балахна (ныне Нижегородская обл.). Этот факт был решающим при назначении его руководителем строительства нового города на р. Пензе. Судя по сохранившимся источникам, Котранский обладал твер-

дым характером, острым умом и не особенно считался с указаниями старших начальников, если их действия не отличались конкретностью и достаточной продуманностью. Человек состоятельный и образованный, он имел личный архив и библиотеку с книгами на русском и латинском языках. С октября 1666 г. до конца жизни (март 1672 г.) был воеводой в Добром Городище (ныне Липецкой обл.). Похоронен в Новодевичьем монастыре в Москве.

Активными помощниками Юрия Ермолаевича в строительстве крепости были иностранцы: О. И. Зумеровский, А. Фальк, И. Бунк, Я. Шмит, Х. Шмит, Л. Вилимбах, М. Кормилевский. Причем с Осипом Ивановичем Зумеровским он прослужили более двадцати лет³.

1 августа 1663 г. началась закладка основных оборонительных сооружений крепости. Возникает вопрос: почему 1 августа?

Закладка города – дело многозначительное, отмечавшееся своеобразным торжественным ритуалом. 1 августа 1663 г. был днем Всемилоственного Спаса, которому была посвящена соборная церковь вновь строящегося города (церковь была открыта 18 октября 1663 г.). Этот вывод подкреплен всей практикой строительства крепостей того времени.

Принимая во внимание, что строилась крепость, а не монастырь, можно предположить, что строители главную заботу и основные силы сосредотачивали на сооружении рва, крепостных стен, оборонительных башен. Командный состав и служилые люди хорошо понимали, что любой день и час могли стать роковыми не только для строительства, но и для них самих в результате внезапного нападения кочевников.

Какой же была крепость Пенза? К сожалению, документов той поры в архивах пока не обнаружено. Не найдены, а возможно, и не сохранились планы, по которым строился город, возводились его укрепления. Однако, опираясь на практику строительства русских городов XVII в., можно сказать, что русские крепости, в том числе и Пенза, занимали возвышенные места, обводились глубоким и достаточно широким рвом, переходившим в насыпан-

¹ Тихомиров И. А. Строельная книга города Пензы как материал для истории заселения Восточной России в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. С. 105.

² Пензенский край XVII в. – 1917 г... С. 6.

³ Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1989. С. 94–102.

ный за счет выемки грунта вал. По его верху шли крепостные стены, составляющие замкнутый четырехугольник, по углам которого располагались наугольные, а в середине – проезжие или глухие башни. Пензенский кремль имел восемь башен, из них – две проезжие. По подсчетам Г. В. Мясникова, крепость занимала около 5,3 га – имела форму почти правильного четырехугольника со сторонами 113, 103, 106 и 109 сажень. Общая протяженность стен крепости, рубленных в одну стену из сосны, составляла 431 сажень, или, переведя на современные меры, 931 м. Границы крепости проходили приблизительно по внутренним порядкам домов улиц Маркса, Кирова, Лермонтова и Советской¹.

Центром крепости являлась соборная церковь Всемилоственного Спаса, служба в которой началась в октябре 1663 г. Около нее поселились священники. Также в крепости находилось самое древнее городское кладбище. Неподалеку располагался воеводский двор, служивший местом жительства и работы наместника царя. Он состоял из нескольких построек и примыкал к западной стене крепости. Рядом с ним – приказная изба (воеводская канцелярия), провиантские амбары, где хранились на случай осады запасы продовольствия и артиллерийский сарай с принадлежностями для пушечной и ружейной стрельбы. Около главных ворот (проходили через центральную башню, которая стояла в центре створа между Московской улицей и Советской площадью) были построены: караульное помещение, колодничья изба (тюрьма) и помещение для хранения архивов. Вот, пожалуй, и все строения, которыми была занята территория крепости.

Крепость, располагая прочными для своего времени защитными сооружениями, необходимым запасом вооружения, боеприпасов и продовольствия, жила в постоянной тревоге. День и ночь на башнях несли службу военные, наблюдая за степью, откуда в любой момент могли появиться кочевники. У ворот, открывавшихся лишь в светлое время суток, постоянно дежурили сторожа, в караульном помещении в боевой готовности находился резерв. На кру-

том склоне горы, где теперь находится улица Замойского, размещались дворы пушкарей, готовых по первому сигналу явиться в крепость, чтобы занять свое место у орудий. Кроме пушкарей, сторожей и воротников в Пензе несли службу драгуны, рейтары, конные и пешие казаки, стрельцы, вооруженные огнестрельным и холодным оружием.

За далью лет трудно говорить о силе и мощи огня Пензенской крепости. Но до наших дней дошел документ, который позволяет судить о ее вооружении. По описи, составленной 28 июня 1701 г. при передаче крепости воеводою Иваном Сафоновым новому воеводе Тимофею Степанову, значится: «По городу Пензе в проезжих и глухих башнях... 9 пушек в станках и в том числе 4 пушки медные, 5 пушек стальных железных, 2 пушки медных дробовых длиною в аршин... В казенном погребе и анбаре пороху ручного и пушечного 182 пуда 27 фунтов, свинцу 239 пуд 4 фунта с полуфунтом, 895 ядер пушечных, дробы железного 20 гривенок, фитилю ручного и пушечного 69 пуд... меди пушечной горелой полпуда...»².

Причем оружие того времени отличалось значительным весом. Так, например, вооружение стрельца состояло: из мушкета калибром 23 мм и длиною 1,8 м, который весил от 5 до 8 кг. Кроме того, они носили бердыш (лунообразный топор на древке, служивший еще и подставкой при стрельбе), на портупее 12 зарядов с отмеренным заранее количеством пороха, мешочек с пулями (вес каждой пули 50–60 г) и рог с порохом³. Поэтому воины должны были обладать большой физической силой и выносливостью. Недаром за службу, кроме денег и земли, еженедельно им давали мясо и хлеб. Рядовой стрелец получал половину бараньей туши, а десятник – целую.

Но крепость была не только оборонительным сооружением, но и центром определенной административной единицы – уезда. Следовательно, вместе со строительством крепости и в последующее время возводились и заселялись слободы (слобода – поселение, свободное от несения каких-либо

¹ Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. С. 116.

² Там же. С. 123–124.

³ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1961. Т. III. С. 220–222.

служб или налогов) и посад (посад – торгово-промышленная часть города, расположенная вне городской крепостной стены).

Осенью 1663 г. пензенским воеводой стал Елисей Протасьевич Лачинов. Это назначение едва ли было случайным. По имеющимся у историков сведениям, он пользовался расположением и личным доверием царя Алексея Михайловича, слыл опытным и знающим свое дело администратором. По предположению Г. В. Мясникова, Елисей Протасьевич родился в 1612–1613 гг.¹ Он участвовал в русско-польской войне, начавшейся в 1654 г. В результате ранения не смог оставаться в действующих войсках, и указом царя Алексея Михайловича его назначают воеводой г. Валук – одного из форпостов борьбы с набегами крымских татар. Эту должность он занимал с 1656 по 1658 г. Затем его назначают товарищем (заместителем) воеводы в Астрахань. С мая 1661 г. по август 1663 г. Е. П. Лачинов служил воеводой в г. Дорогобуж недалеко от Смоленска. Он дважды назначался воеводой Пензы. И здесь могло иметь значение его личное желание и стремление быть ближе к землям, владельцем которых в этих краях он был². Второе воеводство закончилось трагически – Е. П. Лачинов был казнен разинцами³.

Возвращаясь к первому воеводству Елисея Протасьевича, можно отметить, что при нем город начинает расти, итог его деятельности подводится в «Строельной книге города Пензы». В ней говорится, что Е. П. Лачинов построил на р. Пензе около кремля посад и слободы⁴.

Первопоселенцы жили на посаде и в пригородных слободах Конной, Черкасской, Пешей, Пушкарской, Стародрагунской.

Наряду с командным составом, в который входили сотники, полусотники и десятники, слобода имела мирской совет. Ее жители выбирали себе старосту, следившего за общим порядком и спокойствием в слободе; окладчиков, занимавшихся раскладкой

повинностей, падавших на ее население. Тогда в городе было всего 642 двора военных и гражданских людей, в которых проживало около 3 тыс. человек.

Посад располагался вниз от Советской площади до ул. Кураева. В нем было 38 дворов. В основном здесь жили ссыльные за «воровское денежное дело». По мнению некоторых историков, это были фальшивомонетчики. Мы же более склонны придерживаться мнения М. С. Полубоярова⁵. Пензенские посадские не были такими, некоторые, выражаясь современным языком, лишь были свидетелями преступлений и не донесли, другие использовали заведомо фальшивые деньги, третьи скупали их и перепродавали, четвертые привозили фальшивомонетчикам медные прутья, из которых те рубили деньги, пятые замечены среди участников «медного бунта» в Москве в 1662 г. Их били кнутом, им отрубали руку, палец на руке или ноге, отрезали ухо, клеймили грудь буквой «б» – «бунтовщик» (отсюда фамилия Букин) и отправляли в ссылку. Так что первопоселенцы стали жертвами крупной управленческой ошибки Российского государства, заменившего серебряные деньги медными, не изменяя их номинальной стоимости. Посадские ссыльные совершили преступления в области оборота денег под угрозой голодной смерти и потому отделались ссылкой в Пензу.

Конная слобода начиналась за посадом, вниз от ул. Кураева до пл. Ленина, между левым берегом р. Пензы (сейчас там протекает Сура) и ул. Володарского. В ней было 270 дворов. В дальнейшем она расширялась, оглядая заповедный лес, в сторону «Глобуса» и памятника Победы и к 1930-м гг. достигла ул. Беляева, став центром Пригородно-Конной или просто Конной волости Пензенского уезда.

Пушкарская слобода (в ней жили пушкарки, воротники, канцелярские сторожа) находилась на спуске к р. Пензе-Суре от Советской площади вниз к острову Пески. Она насчитывала всего 18 дворов.

Стародрагунская слобода располагалась юго-восточнее Пензенской крепости, от Пушкарской слободы (ул. Замойского) до р. Мойки, вдоль нынешней ул. Калинина, и спускалась к р. Пензе-Суре. В ней было 88 дворов.

¹ Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. С. 130.

² Там же. С. 128–131.

³ Там же. С. 205.

⁴ Борисов В. Л. Строельная книга города Пензы // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. 1899. Кн. 1 (188). С. 10–55.

⁵ Полубояров М. С. Город Пенза...

Пешая слобода пролегла на юг от ул. Лермонтова до Тамбовской, между ул. Красной и ул. Калинина. В 132 дворах проживали пешие казаки, ходившие в походы как пехотинцы.

Черкасская слобода, состоявшая из 118 дворов, была населена черкасами-украинцами. Она находилась около Бакунинского моста, при впадении р. Пензы в р. Суру, начиналась от ул. Суворова, шла на север вдоль р. Суры до р. Кашаевки (ныне ул. Огородная), с запада ограничивалась концом ул. Московской и ул. Парковой – началом ул. Каракозова.

Наш рассказ будет неполным, если не сказать о происхождении названия р. Пензы (иногда ее ошибочно называют Пензяткой). Все научно обоснованные версии этого названия строятся на основе мордовского языка: пензо – «конец» (якобы конец мордовских владений), пенсаме – «конец хода, до конца», пезнака – «топкая, болотистая», или происходят от дохристианского личного мордовского мужского имени Пенза (Пиянза, Пьянза). Некий Пиянза был владельцем земель в районе реки, и в результате она получила владельческое имя¹. Однако вполне продуктивной, на наш взгляд, может быть и версия о более древнем происхождении этого гидронима, фонетическая и лексическая первооснова которого сложилась еще в период освоения этих мест первобытным человеком. Ведь подобное объяснение гидронима «Мокша» уже применили ученые из Республики Мордовии, связав его с санскритом (первоосновой всех индоевропейских языков), в котором слово *moksha* обозначает «проливание, утеkanie, освобождение»². По аналогии можно предположить, что гидроним «Пенза» обозначает «огонь-река» и сохранился до наших дней в процессе культурной эстафеты от неолита до наших дней.

¹ Полубояров М. С. Город Пенза...

² Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2012. С. 67.

§ 4. Создание системы укреплений на юго-восточной окраине Русского государства в XVI–XVII вв.

Засечные черты XVI в.³

Образование единого многонационального Русского государства объективно потребовало создания единой системы укреплений. Наряду с дозорной службой на юго-восточной границе государства стала создаваться система оборонительных сооружений. В заповедных лесах «рубилась» засеки. Межлесные участки укреплялись рвами и земляными валами, низменные и болотные места – частоколами и надолбами. По засечным чертам ставились башни (глухие и проезжие), остроги, на «проходных», т.е. опасных участках, – города-крепости.

До XVI в. южнее реки Оки существовали «местные» засеки. Теперь следовало старые и новые засеки связать в непрерывную черту. Эту трудную задачу решали на протяжении долгих лет. Черту вели с запада на восток. В 1550–1560-е гг. Большая черта от р. Жиздры, притока р. Оки в Калужской области, дошла до р. Цны, в 1570–1590-е гг. – от р. Цны до р. Волги. В Большую черту вошло 17 засек. Основу их составили Брянский, Мещерский, Мокшанский и Засурский леса. Назывались засеки по городам.

Долгое время некоторые участки Большой засечной черты, в частности на участке от р. Суры до р. Волги, представляли собой белое пятно на исторических картах. И не случайно: документы приказа Казанского дворца сгорели, а начертание «Засеки» на карте Московии Гесселя Герритса 1613 г., обозначенной от лесов Мор-

³ Очерк составлен Л. В. Лебедевой на основе работ В. И. Лебедева. См.: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. 136 с.; Засеки понизовых городов русского государства XVI века // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 124–132; К вопросу о засеках, обозначенных на карте России Гесселя Герритса 1613 г. Загадка черты от Казачьих гор до Тураева городища // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Воронеж, 1991. С. 36–37; Кадомская и Темниковская засеки XVI–XVII вв. // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 51–57.

дании в сторону г. Саратова, было дано неправильно.

Проведенные исследования позволили восстановить направление укреплений черты в районе понизовых городов Русского государства – Кадома, Темникова, Алатыря и Тетюш.

Восточный участок Большой засечной черты XVI в. был проложен следующим образом.

Кадомская засечная черта. Шацкая засека заканчивалась у с. Конобеево на р. Цне. В «Известиях Тамбовской ученой архивной Комиссии» опубликован документ, где точно указано место окончания Шацкой засеки и начала Кадомской: «В Пушкарском Приказе в дозорных засечных книгах Кузмы Костошного да подъячаго Василья Гаврилова 133 году написано: Шацкая засека от конца Кадомския засеки от Мاستичного от Чебрынского болота до города Шацка и по речки Шачи...»¹. Итак, местом стыка Шацкой и Кадомской засек была зона Мастичного и Чебрынского болот. По изысканиям кадомского краеведа Д. И. Батманова они простирались возле современного с. Конобеево Рязанской области, расположенного на правом берегу р. Цны².

На большинстве исторических карт засека от р. Цны обозначена идущей на г. Кадом, стоящий на р. Мокше³. В предыдущих наших исследованиях доказано, что от р. Цны засека шла не на северо-восток к Кадому, а на восток к р. Виндрей, правому притоку р. Парцы⁴.

Засека находилась в ведении воевод г. Кадома. Год сооружения ее не установлен. По мнению Ф. Ф. Чекалина, это произошло около 1552 г.⁵ Такого же взгляда

придерживался и В. Х. Хохряков. При этом он ссылаясь на Ф. Ф. Чекалина. Такую точку зрения мы считаем маловероятной. Если бы данная засека существовала, ее не миновал бы шедший летом 1552 г. из Рязани дремучими мещерско-мордовскими лесами на р. Суру Андрей Курбский⁶. Несомненно, что Кадомская засека была сооружена позднее 1552 г.

Кадомская засека проходила по труднопроходимому, болотному, так называемому Большому черному Ценскому (Кадомскому) лесу, имела протяженность примерно 80 км и трое ворот – Идовские, Овдаловские (Авдаловские) и Водовские (Вадовские). Идовские ворота назывались по р. Идовке, правому притоку р. Цны. По мнению П. Н. Черменского, ворота стояли у самой речки на старинной Идовской дороге⁷. Овдаловские (Авдаловские) ворота были на месте современного с. Авдалово Zubovo-Полянского района Республики Мордовии. Водовские (Вадовские) ворота назывались по р. Вад, левому притоку р. Мокши. Их местонахождение до сих пор до конца не выявлено. Скорее всего они располагались на месте современного с. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района Республики Мордовии⁸. В настоящее время мы все больше склоняемся к мысли, что «Водовские» и «Овдаловские» ворота – это одно и то же.

Кадомская засека заканчивалась у р. Виндрей, правого притока р. Парцы. Подтверждает это документ – досмотр Матвеем Нестеровым в 1724 г. «Засеки Темниковской Темниковского уезду Пичиполянского стану от деревни Мордовской Куликовы и от речки Виндрей», где сказано, что «в книгах Темниковской засеки...» и дозору Дмитрия Полтинина, да подъячаго Василия Ракова 132 и 143 годов «написано», что именно в этой зоне «та Темниковская засека сначала от конца Кадомские засеки»⁹.

¹ Копии исторических материалов сняты П. И. Пискаревым. Приложения к делу по описи. № 2964 // Известия Тамбовской ученой архивной Комиссии. Вып. XXVII. Тамбов, 1890. С. 93.

² Батманов Д. И. Засека // Маяк. Кадом, 1976. 3 апреля.

³ Атлас офицера. Военно-топографическое управление. М., 1974. С. 207.

⁴ Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 21.

⁵ Чекалин Ф. Ф. Два архивных документа в истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1890. № 73.

⁶ История о великом князе Московском // Сочинения князя Курбского. Т. 1. СПб., 1914. С. 177.

⁷ Черменский П. Н. Пути сношения Москвы с Поволжьем через Мордовию // Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. XXXIV. Саранск, 1968. С. 189.

⁸ Лебедев В. И. Указ. соч. С. 20.

⁹ Там же. С. 21.

Темниковская засека черта. С окончанием Кадомской засеки начиналась Темниковская. Ее строительство было начато в 1578 г.¹ Она имела протяженность 77,5 км, брала начало от Кадомского леса и кончалась в Саровском лесу за Темниковым.

Южный участок Темниковской засеки обнимал участок верховий р. Виндрей и Шустрой. Это подтверждает документ 1724 г. В нем отмечены следующие пункты: р. Нумолот Кужелея («под тою пустошью Четовою речки Нумолт Кужелея вышла из засеки, впала в речки Виндрей...»); р. Анивелия («та речка вышла из засеки, впала в речку Шукстров, а Шукстров в речку Виндрей»); р. Авчишк («через ту речку налево лесом дорогою ж к пустоши, где была старая деревня Анкин починок, левая сторона – лес Темниковской засеки...»)². В документе упоминаются селения Куликово, Старая Пичеморга и Старое Четово³.

От р. Виндрей Темниковская засека шла на север к р. Мокше. По предположению П. Н. Черменского, в верховьях р. Явас, правого притока р. Вад, у современного с. Кишалы Атюрьевского района «помещались ногайские ворота Темниковской засеки»⁴. Если данное мнение еще требует доказательств, то положение И. Д. Воронина о том, что Бабеевские (Итяковские) ворота находились там, где расположено с. Бабеево Темниковского района, бесспорно. Бесспорно и то, что у р. Мокши находились также «Чижиговские ворота», что подтверждается списком с отказной грамоты 1689 г.⁵ В другом документе говорится, что цари Иоанн и Петр отдали на откуп «Чижевский перевоз на реке Мокше» протопопу с братиею Темниковской соборной церкви «вместо государева жалования хлебной руги»⁶.

¹ Очерки истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1955. С. 71.

² Лебедев В. И. Легенда или быль... С. 21.

³ Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987. С. 115, 209, 215.

⁴ Черменский П. И. Пути сношения Моквы с Поволжьем через Мордовию... С. 189.

⁵ Опись дел Шацкого архива, отобранных гг. членами Тамбовской ученой архивной Комиссии от 14 июня по 20 сентября 1884 года // Тамбовская губернская ученая архивная Комиссия. Вып. 1. Тамбов, 1884. С. 15.

⁶ Опись дел исторического архива, составленная П. А. Дьяконовым // Известия Тамбовской ученой архивной Комиссии. Вып. XXVIII. Тамбов, 1890. С. 91.

Центром Темниковской засеки был г. Темников на р. Мокше. В августе 1901 г. поездку в этот город совершил председатель Тамбовской ученой архивной Комиссии А. Н. Нарцов. В докладе об исторических памятниках Темникова он на заседании Комиссии 17 декабря сказал: «В марте 1536 г. перенесенный, а в августе того же года уже выстроенный, Темников расположен на горном отроге, который выдался полуостровом в долину Мокши и пересечен глубоким оврагом «Самбег». Некогда от вершины этого оврага до Мокши тянулся вал со рвом, но в настоящее время следы этих древних укреплений почти исчезли. Существует предположение, что старые ворота около базарной площади и под ними иконы-остатки Темниковской крепости и таким образом представляют древнейший памятник в городе»⁷. Ныне, в Темникове остатки вала со рвом заметны лишь в черте городского кладбища.

Некоторые историки полагают, что к системе укреплений Темниковской засеки относились «городок» около деревни Итяково и так называемая «Кондровская гора»⁸. Об Итяковском городке и Кондровской горе знал еще историк Н. М. Карамзин, о чем писал в своем исследовании И. Д. Воронин⁹. Окончательный ответ о том, входили ли Итяковское городище и Кондровская гора в систему укреплений Темниковской засеки, могут дать лишь археологические раскопки.

Основу Темниковской засеки составлял Мокшанский лес. Вот как он представлен в описании Тамбовского наместничества XVIII в.: «...Особо соблюден лес по Мокше, начиная от Краснослободской округи Пензенского наместничества до соединения реки Цны с Мокшею, что составит более семидесяти верст ширины от востока к западу, а к северу пошли сии леса по объявленной реке Мокше до впадения ее в Оку, и вниз по Оке до города Муромы Владимирского наместничества и далее.

⁷ Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 года. Доклад председателя Тамбовской ученой архивной Комиссии А. Н. Нарцова на заседании 17-го декабря 1901 г. // Известия Тамбовской ученой архивной Комиссии. Вып. XVI. Тамбов, 1902. С. 14.

⁸ Там же. С. 44–45.

⁹ Воронин И. Д. Достопримечательности Мордовии. Природные, исторические, культурные. Саранск, 1967. С. 154.

К сему же Мокшанскому лесу подошли, или, лучше сказать, с оным соединяются леса по рекам Ваду и Выше; так называемый по реке Цне Ценский лес...»¹.

В Мокшанском лесу севернее Темникова протекает р. Сарова. Это при ней была построена знаменитая Саровская пустынь. Сюда к Саровскому лесу и шла Темниковская засека, где ее сменяла Пузская.

Кадомская и Темниковская засеки несколько утратили свое значение после сооружения южнее их в 30–40-х гг. XVII в. Керенской засечной черты. Однако они продолжали функционировать, ибо опасность вторжения крымских и ногайских татар в Кадомский и Темниковский уезды сохранялась. Подтверждением служит хотя бы следующий документ 1645 г.: «И мая в 19 день писал к государю из Темникова воевода Григорей Водорацкий: мая же во 2 день приходили в Темниковский уезд крымские, ногайские люди по смете тысячи с три и повоевали Темниковского уезду до села Троицкого присуду многие деревни и полон многой поймали и хотят де те татаровя приходить к городам и острожкам, которые по засекам и прошед засеки, воевать Темниковский и Кадомский уезды. И по тем вестям государь указал в темниковских и в кадомских местах быть воеводою Христофору Рыльскому, а с ним быть для оберегания от приходу воинских людей темниковским мурзам и татарам всем обеих половин, а стояти ему Христофору с государевыми ратными людьми в Керенском остроге и оберегать темниковские и кадомские места...»².

Пузская засечная черта. В некоторых работах ошибочно указано, что от Темниковской засеки оборонительная черта пошла далее на восток на Краснослободск – Инсар³. Это не так. От Саровского леса к востоку и затем по Алатырскому лесу вдоль р. Алатырь до впадения в нее р. Инелей тянулась Пузская засека с двумя воротами: Пузскими и Гуляевскими⁴. От-

метим, что Пузские ворота находились там, где сейчас расположено с. Пузская слобода на р. Алатырь Нижегородской области, Гуляевские ворота – с. Гуляево на р. Алатырь Ичалковского района Республики Мордовии. Засака находилась в ведении воевод г. Арзамаса.

Свое название Пузская засека получила по местечку Пузы на р. Алатырь, где находились проезжие Пузские ворота. Она значится в арзамасских поместных актах 1578–1618 гг., изданных С. Б. Веселовским в 1915 г.⁵ Проезжавший в августе 1768 г. из Арзамаса в Саранск академик Петр Симон Паллас пометил: «До деревни Пузы, при которой переезжают через реку Алатырь, простирается дубовый лес с подлесьем»⁶. Исходя из этих слов, мы полагаем, что Пузские ворота засеки были сооружены из дубовых бревен. В августе 1990 г. в селе Пузская слобода Починковского района Нижегородской области мы записали воспоминания местных старожилов. Суть преданий такова: в древности в здешней округе были труднопроходимые леса. Об этом свидетельствуют кряжи, черный (мореный) дуб в реке, толстые пни по побережью. Через Пузскую слободу проходила старинная дорога из Саранска в Арзамас и далее на Москву. Дорога была опасной. Вот почему купцы, минуя Пузскую слободу, заказывали молебен. («Миловал Господь Бог от разбойников»). Лес считался казенным, заповедным.

Пузская засека активно функционировала до середины XVII в. Она утратила свое значение, когда южнее р. Алатырь по линии крепостей: Керенск – Верхний Ломов – Нижний Ломов – Инсар – Потижский острог – Саранск – Атемар – Сурский острог были сооружены новые засечные укрепления.

Пузская засека как составная часть общегосударственной линии засек XVI–XVII вв. – серьезная тема для дальнейших исследований. Отметим, что не все вопросы ее решены. Во-первых, мы пока не знаем, когда точно и кем возводились лесные укрепления. Так, по мнению В. Х. Хохрякова и М. А. Лебедева, «засака была со-

¹ Описание Тамбовского наместничества. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. VI. СПб., 1790. С. 386.

² Акты Московского государства. Т. 2. М., 1894. С. 148.

³ Шмырев Н. П. Совхоз назвали «Красная Пресня» // Вместе дружная семья. Саранск, 1982. С. 38.

⁴ Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961. С. 17, 249.

⁵ Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг. М., 1915. С. 324, 325, 451, 514.

⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. I. СПб., 1809. С. 95.

оружена в 1552–1556 гг.»¹, по мнению И. Д. Воронина, «с 1578 года»². Во-вторых, разные суждения имеются по вопросу о том, каким берегом р. Алатырь шла засека. У одних историков она обозначена линией, идущей правым берегом реки³, у других – левым⁴. Считаю своевременным включение Саровского и Алатырского лесов в заповедную зону как памятников ратного прошлого нашей Отчизны. По р. Алатырь следует провести археологические разведки. Думаем, что не ошибемся, если предположим, что в р. Алатырь у с. Пузская Слобода и Гуляево тоже можно найти остатки надолбов. Ведь именно тут стояли проезжие Пузские и Гуляевские ворота, входившие в засеку Московского государства.

Алатырская засечная черта. Пузскую засеку сменяла Алатырская. Она возводилась с 1578 г. и шла от р. Инелей вдоль р. Алатырь на восток до г. Алатырь и соединялась с Тетюшской засекой⁵. Это была зона векового леса.

Засека имела Ардатовские (Ордатовские) ворота. О том, где они находились, свидетельствуют документы первой половины XVII в. В одном из них сказано, что Ардатовские ворота стояли «в лесу, недалеко от того места, где в реку Алатырь впадает речка Пичевель». Подтверждает это и ряд других документов. На основании этого можно сделать вывод, что Ардатовские ворота находились в лесу при впадении р. Пичевель в р. Алатырь, недалеко от Живоначальные Троицы Сергиева Большого монастыря. Все это территория современного г. Ардатова – районного центра Мордовии⁶. Засечные сторожа Ардатовских ворот жили в селении, которое ныне называется с. Старое Ардатово Ардатовского района Республики Мордовии.

¹ Хохряков В. Х. Карта «Сторожевые черты в Пензенской губернии» // Научный архив ПГКМ.; Лебедев М. А. Краткие сведения из истории Пензенского края. Пенза, 1928. С. 123. Карта № 9.

² Воронин И. Д. Достопримечательности Мордовии. С. 134.

³ Хохряков В. Х. Указ. соч.; Лебедев М. А. Указ. соч.; Кочетков В. Д. Алатырь. Краткий исторический очерк. Чебоксары, 1978. С. 10.

⁴ Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961.

⁵ Воронин И. Д. Саранск. С. 17.

⁶ Лебедев В. И. Указ. соч. С. 26.

Центром Алатырской засеки был г. Алатырь, поставленный при впадении р. Алатырь в р. Суру. Вполне возможно, что место для него было определено еще в 1552 г., когда Иван IV с войском шел из Муромы «на Поле за Алаторем» для соединения с войсками А. Курбского и других воевод, чтобы отсюда идти на Свияжск и далее на Казань.

В решении вопроса о времени построения Алатыря мы придерживаемся мнения В. Д. Димитриева, который, основываясь на документах XVIII в., предположил, что основание города на р. Алатырь следует отнести к 1556 г.⁷

Сооружение и охрану оборонительных сооружений вели как «переведенцы», так и местное население. На Алатырь не раз нападали ногайцы. Такое нападение было в 1612 г.⁸ 13 мая 1614 г. отряды ногайского мурзы Иштерека сожгли посад Алатыря, захватив пленных и скот. Казакам во главе с Иваном Осорьиным удалось отбить 137 пленных крестьян с их семьями. В июле 1614 г. в Алатырь для усиления охраны края были посланы Ю. Сулешов и Н. Барятинский с войском⁹.

Тетюшская засечная черта. Заключительным восточным участком черты XVI в. была Тетюшская засека.

В топографическом отношении она делилась на три участка: первый – засека от г. Алатыря вверх по р. Бездна (правого притока р. Суры), по Большому Сурскому лесу, до р. Карла (левому притоку р. Свияги); второй – вал вдоль р. Карла; третий – засека между р. Свиягой и р. Волгой.

О том, как шли укрепления от Алатыря на восток к р. Волге, свидетельствуют материалы о покорении Симбирского края и его административном устройстве, помещенные в «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии». В этих материалах описаны остатки пограничной черты, идущей от

⁷ Вопросы истории Чувашии // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. XXIX. Чебоксары, 1965. С. 162.

⁸ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. I. Казань, 1882. С. 53–54.

⁹ Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 169–170; Гераклитов А. Материалы по истории мордвы // Сборник выписок из печатных источников. М.; Л., 1931. С. 22–23.

р. Свяги по южному берегу р. Карлы до Сурского леса к г. Алатырь, с которым она была соединена засеками. Вдоль этой черты по тому же берегу реки было расположено несколько русских селений и татарское – Буинск, образовавшиеся из старых воинских поселений. Это была первая в Симбирском Засурье вооруженная граница, построенная если не в одно время с Алатырской (по р. Алатырь), то не намного позже ее. Интересно описание Карлинской черты: «Карлинская черта до Сурского леса состоит из земляного вала, который едва сохранился и отличается меньшим размером и простейшим устройством от подобных валов, построенных позже. На Карлинском валу нет следов артиллерийских применений, а есть только в некоторых местах какие-то удвоенные и утроенные, расходящиеся и сходящиеся рвы и насыпи, служившие, вероятно, для прикрытия стрелков»¹. «Сурский лес», упомянутый в тексте, – лес к востоку от Алатыря по сурскому правобережью. Этот лес служил основой засеки, проложенной вдоль правого притока р. Суры – р. Бездны².

С окончанием Сурского леса (около современного села Шемурша Чувашской Республики) засеку продолжал вал со рвом. Он проходил вдоль степной р. Карлы, левого притока р. Свяги³.

Итак, Карлинский вал доходил до р. Свяги около с. Ивашевки. О том, как проходила засечная линия за Свягой в Тетюшском уезде в литературе существуют различные мнения⁴.

Истинное направление этой засеки еще в прошлом столетии установил исто-

рик Г. И. Перетяткович. Основываясь на документах архива Министерства юстиции, он писал: «Вековой лес, тянувшийся на большое пространство, примыкая одной стороной к реке Свяге, и сам по себе мог служить некоторой защитой против конного неприятеля; но правительство распорядилось еще устроить в нем засеку, к которой окрестные жители обязаны были в XVII столетии высылать с 10 дворов по человеку «с пищальми, с саблями и со всяким боем»⁵.

Конечным и опорным пунктом Тетюшской, а по существу всей Большой черты был г. Тетюши на р. Волге. О его становлении существует много гипотез. Вопрос об основании Тетюш является открытым и поныне. Ясно одно – поселение уже существовало к 1558 г.⁶

Итак, Большая засечная черта XVI – начала XVII в. заканчивалась у Тетюш на Волге. Мы лишний раз подчеркиваем это, ибо в литературе до сих пор встречаются иные толкования⁷. И поныне еще ряд историков и географов считают безупречной Карту Московии Гесселя Герритса 1613 г., где засечная черта Русского государства обозначена идущей от лесов Мордовии в сторону Саратова. Они по-прежнему не считают с тем, что Гессель Герритс, составляя карту, допустил много неточностей вследствие механического скрепления разномасштабных чертежей⁸.

Обобщая вышесказанное, отметим, что собранные нами материалы о засеках низовых городов позволяют закрыть «белые пятна» в определении направления Большой черты XVI в. на востоке, решить, наконец, задачу – «восстановить карту к Книге Большого Чертежа», – выдвинутую И. В. Калачовым еще на Первом археологическом съезде России.

Засечные леса – уникальные памятники нашего Отечества. К сожалению, сохранность их плохая. Эти леса стали ис-

¹ Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 г. Симбирск, 1868. С. 112–113.

² Краткое известие о Симбирском наместничестве. Собрание сочинений, выбранных из месящесловов, на разные годы. Ч. VI. СПб., 1790. С. 264.

³ Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. II. СПб., 1868. С. 741.

⁴ См., например: Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 г. С. 112; Памятная книга Казанской губернии на 1863 г. Казань, 1862. С. 85; Герасимов А. И. Ромоданово. Саранск, 1981. С. 10.

⁵ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 22, 70, 187–188.

⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 170.

⁷ См., например: Орловский областной краеведческий музей. Путеводитель. Тула, 1976. С. 27.

⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. С. 57–62.

требляться по мере хозяйственного освоения так называемых «диких полей» юго-восточной окраины Русского государства. Так, Тетюшский засечный лес, тянувшийся в XVI в. на 10 верст в длину и на 8 поперек, уже в середине XVII в. простирался лишь на 6 верст, а поперек – на 3 версты¹. В XVIII в. сильно пострадал лес по р. Виндрей. Там купцами Боташевыми был построен чугуноплавильный завод, для которого руду добывали в лесах. Исключением стал Темниковско-Саровский лес. Ныне он входит в Мордовский государственный заповедник им. П. Г. Смиловича. Сотрудники заповедника создали музей. На наш взгляд, именно в нем должна быть развернута экспозиция, рассказывающая о засеках Русского государства.

Засечные черты XVII в.²

В 1630-е гг. обострилась обстановка на юге страны. Нападения крымских и ногайских татар стали столь частыми, что русское правительство в 1635 г. срочно приступило к коренному переустройству системы обороны на юге и юго-востоке страны. Последовал царский указ о сооружении южнее засек XVI в. новой укрепленной черты на 956 верст (1032 км). «...И по черте построить города, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтоб на его, государевы, украины теми местами татарского приходу не было»³.

Работы по сооружению новой черты начались уже в 1635–1636 гг. На опасных «проходных» местах были воздвигнуты остроги и крепости. На участке между р. Цной и р. Волгой были осуществлены следующие работы. В конце 1635 г. в верховьях р. Ломов (левый приток р. Мокши) был поставлен Верхний Ломов. В 1636 г. по указу Государя был возведен Нижний Ломов. Весной того же года «деловцы» – строители засек построили Буртасский острог. К 1639 г. на р. Атемар был построен

Атемарский укрепленный пункт. В том же году ставится Саранчинский острог, впоследствии город Саранск; на новое место – на р. Керенку, приток р. Вады, был перенесен Буртасский острог. Он стал называться Керенским острогом. В 1638–1641 гг. на р. Шечкеевке возник Шечкеевский острог (ныне село Шишкеево Республики Мордовии).

Продолжавшиеся набеги кочевников потребовали новых мер по строительству засечной черты. В 1645 г. по указу царя Алексея Михайловича было велено «по черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством, и земляной вал устроить больше прежнего... также надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многия крепости, какие доведется».

Выполняя этот указ, местные крестьяне с пяти дворов по человеку в 1646–1648 гг. возвели полевые укрепления и засеки от р. Цны до р. Суры. Вместо Керенского острога был основан г. Керенск, укреплены Верхний и Нижний Ломовы, Атемар, поставлен Инсар, Потижский, Кортляевский, Туляевский и Сухменский остроги (ныне населенные пункты Республики Мордовии). Одновременно в 1647–1648 гг. проводились работы по сооружению черты между р. Сурой и р. Волгой. На р. Барыше был поставлен г. Карсун, на р. Волге – г. Симбирск.

Царский указ о постройке новой черты был выполнен. Данная черта начиналась от р. Ахтырки на западе и кончалась у р. Волги на востоке. В документах XVII в. она значилась состоящей из цепочки укрепленных линий. В Пензенском крае значились такие черты: Керенская, Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Саранская, Атемарская.

Керенская засечная черта. Участок черты от р. Цны на западе до р. Вада на востоке в документах значится как Керенская черта, названная по основной крепости Керенск, стоящей на юге при впадении р. Керенки в р. Вад.

О направлении этой черты среди краеведов издавна идут споры. В 1903 г. В. Х. Хохряков выдвинул предположение, что она шла по линии Шацк – Керенск⁴.

¹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. С. 71.

² Очерк составлен Л. В. Лебедевой на основе работ В. И. Лебедева: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. 136 с.; Пензенская «Засека» // Из истории области. Очерки краеведов. Выпуск IV. Пенза: ПГОКМ, 1993. С. 76–86.

³ Труды ПУАК. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 14.

⁴ Хохряков В. Х. О сторожевых чертах в Пензенской губернии // Труды ПУАК. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 17, 25, 29.

По мнению П. Н. Черменского, черта началась у Паньковского городища под Шацком и далее шла по линии: валы у местечка Раменье на берегу р. Большой Лепень – городище у с. Кермись (Керемсино) – с. Кириллово – рабочий поселок Ширингуши – с. Голышевка – с. Пичпанда – с. Керенск¹.

Чтобы проверить данные объекты, мы провели ряд экспедиций (1972, 1976, 1984) и сопоставление документальных свидетельств.

Деревни Панки и Малый Пролом находятся северо-западнее г. Шацка. Здесь действительно сохранился вал со рвом, прорезаемый Гремячевским оврагом, по дну которого в р. Шачу бежит речушка Самородинка, но он относится не к Керенской, а к Шацкой черте. Также на берегу р. Большой Лепень – правого притока р. Цны имеется Веселовское городище. Однако к городкам засечной черты XVII в. его отнести нельзя. По своей конфигурации оно более древнего происхождения. Не оказалось укреплений XVII в. и у с. Кермись, с. Кириллово. Около же мордовских сел Старое Бадиково и Новое Бадиково на р. Вад земляная насыпь в ряде мест еще заметна. Но это не вал черты XVII в., а основание насыпной старинной дороги. Рядом с с. Старое Бадиково на р. Вад расположен рабочий поселок Ширингуши. От поселка к с. Жуковка находятся два городища. Ныне они известны как «Ош панда», что по-мордовски означает «Город-гора» и «Городок». Они являются памятниками XI–XII вв.

Итак, на участке р. Цна – р. Вад земляных укреплений XVII в. не обнаружено. Случайно ли это? Конечно, нет. Отсутствие валов и ровов черты объясняется тем, что на этой линии простирался труднопроходимый массив – Большой Ценский лес. В описании укреплений 1680 г. этот участок представлен так: «Через тот же большой заповедный Ценский лес из Шацкого лежит большая дорога через реку Цну в Керенск и в Верхний и в Нижний Ломов. И промеж той же Большой Ломовской дороги и дороги ж, что слывет Казачья, в том же Большом Ценском лесу за чертою думного дьяка Аверкия Кириллова построены 2 будные майданы, один от черты и от Казачьей дороги верстах в 4, а другой верстах

в 8, а от Большой Ломовской дороги один в ближних местах. В том лесу от черты в 25 верстах на реке Ваду село Вадалово Ивана Елисея сына Лачинова. От черты ж в 45 верстах на реках Парсе да на Лаудане построил деревню вновь Федор Васильев сын Зубов»².

Значит, черта шла через труднопроходимый Большой Ценский лес в зоне дорог Большой Ломовской и Казачьей.

Земляные укрепления начинались у с. Большая Лука ныне Вадинского района, шли через Керенск к р. Каргалей.

Вал у Большой Луки начинается в полукилометре севернее села и проходит по кромке возвышенности правого берега р. Вад. Первоначально вал был не велик. Его высота с «русской» стороны составляла немного более 1 м, а со стороны рва – около 3 м. Постепенно высота вала и глубина рва увеличиваются. В полутора километрах от его начала в сторону Вадинска высота земляной насыпи со стороны рва достигает 4 м. Этот участок укреплений дает наглядное представление об умелом использовании деловцами естественных препятствий. Противнику требовалось форсировать р. Вад, затем взбираться по крутому и довольно-таки высокому склону возвышенности и только потом уже преодолевать ров и вал. С вершины вала хорошо просматривается долина р. Вад, широко раскинутое с. Большая Лука. После 2,5 км земляная насыпь исчезает. Заметен лишь ровик, который упирается в пашню недалеко от д. Тенево Вадинского района. Этот участок среди населения до сих пор называется «засекой». От Тенева вплоть до Вадинска (12 км) вал не прослеживается. На этом участке он разрушен. Его остатки заметны лишь на юго-восточной окраине с. Каменка.

На месте современного Керенска располагалась главная крепость засечной черты. Она находилась на горе, у подножия которой сливаются три речки: Вад, Керенск и Ченгар. От нее сохранилась юго-восточная часть земляной насыпи протяженностью в 90 м. Отсюда к р. Вад шла полоса надолб – врытых в землю бревен.

Керенск стоял на перекрестке дорог. Через него проходила дорога, связывающая Нижний и Верхний Ломовы с Шацком. Одна из них вела на Наровчатское горо-

¹ Черменский П. Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия ТУАК. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 195–196.

² Лебедев В. И. Легенда или быль... С. 48.

дище (ныне с. Наровчат) при впадении р. Шелдаис в р. Мокшу. До сих пор у местных жителей дорога Баранчеевка – Наровчат называется «нагайской».

Где же кончалась Керенская черта? Многие краеведы – А. Л. Хвощев, А. Е. Любимов, М. Р. Полесских и другие – без ссылок на источники таким рубежом считали г. Верхний Ломов¹. Иное мнение высказали Г. В. Еремин, Л. Г. Еремина и П. В. Зимин. В рукописи «Засечная черта в Пензенской области» они пишут: «Кончалась Керенская черта у речки Каргалей, где граничила с Верхнеломовской чертой. Это следует, например, из следующего документа: «...владения села Кармалейки казенных сторожей... у первого Починного урочища у Ломовского рубежа и Ломовской казенной засеки от реки Каргалейки вниз реки Ваду на правой стороне вверх по речке Кармалейке»².

Обследование участка Керенск – р. Каргалей показало следующее. От Вадинска вал Керенской засечной черты тянется в юго-восточном направлении вдоль окраины леса. Он начинается примерно в 1 км от Черного ключа (правого притока р. Вад) и идет в сторону р. Кармалейки Вадинского района. Лес спас его от разрушений, здесь он в отличной сохранности. Высота вала со стороны рва достигает 5,4 м! Против с. Кармалейка была проезжая башня.

Верхнеломовская засечная черта.

На р. Вад, где в нее впадает р. Каргалей, Керенскую черту сменяла Верхнеломовская. Здесь была степь. Укреплениями черты являлись «вал с деревом и рву», «надолбы подле валов», «городки». Они шли на юго-восток степным правобережьем р. Вад от с. Ягановка, расположенного на левом берегу р. Каргалей, в сторону д. Пеньки. Вал хорошо выражен и в настоящее время. Около д. Пеньки на валу сохранился городок – четырехугольная площадка в 80 кв. м, обнесенная земляной насыпью и рвом. Отсюда отлично просматривается окружающая местность. По всей видимости, это тот городок, который в документах XVII в. называется «Водовским», или «Водонским» острожком.

¹ Хвощев А. Л. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 43.

² Еремин Г. В., Еремина Л. Г., Зимин П. Н. Засечная черта в Пензенской области. Рукопись. М.; Пенза, 1974. С. 13.

От городка вал опускается к топи, образуемой р. Падерки, и постепенно поднимается к лесу, расположенному между с. Скуратово и Котлом ныне Вадинского района, где были лесные завалы. Интересно, что данное место среди местного населения сохраняет название «засека».

В районе с. Коповка были Вадовские ворота.

Засечная черта продолжалась далее через лес по левому гористому берегу р. Толковки. Засечные сторожа могли использовать для наблюдения два приречных возвышенных мыса – «Гору-Городок» и «Гору-Стражок». О первой горе Г. П. Петерсон писал в 1882 г.: «Гора-Городок – остаток древнего укрепления, находится за Старым Селом около д. Фелицатовки». Ныне этот памятник прошлого известен как Фелицатовское городище. Археолог М. Р. Полесских датировал его XII–XIV вв. Гора-Стражок находится рядом с Фелицатовским городищем. В беседе с нами старожил с. Старая Толковка А. Е. Бердников говорил: «На ней в старину стояли сторожа-казаки. Гора оттого и слывет Стражком, лес около него – Казачьим лесом, а дорога от села Старая Толковка в сторону деревни Шуструй – Казачьей»³. Укрепления черты находились в зоне впадения р. Толковки в р. Ломов.

Таким образом, укрепления черты от р. Вад к р. Ломов подходили не к Верхнему Ломову, как отмечено на некоторых картах, а значительно южнее⁴.

От р. Ломов засечная черта меняла направление. Теперь она шла степью на северо-восток вдоль левого берега. Вал черты четко прослеживался между д. Старополье и с. Верхний Ломов. У Верхнего Ломова черта подступала к «Стрелецкой горе», ко-

³ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1167. Л. 14; Петерсон Г. П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 1882. С. 104; Кондаков И. Посвящено прошлому края // Пензенская правда. 1978. 12 октября; Записано автором со слов А. Е. Бердникова в с. Старая Толковка Пачелмского района Пензенской области 2 мая 1959 г.

⁴ ЦГАДА. Ф. 1326. Оп. 2. Д. 1568. Л. 1964; Спицин А. А. Древности Пензенской губернии. Пенза, 1925. С. 9; Полесских М. Р. Археологические памятники Пензенской области. Саратов, 1970. С. 107, 109; Хвощев А. Л. Карта укрепленных линий и военных пунктов Пензенского края XVII в. Пенза, 1922.

торая раньше была покрыта лесом и поэтому не имела земляных укреплений.

На месте села находилась крепость Верхний Ломов. В топографическом описании Пензенского наместничества о ней сказано так: «Старинная земляная четырехугольная крепость с четырьмя деревянными башнями, окруженная рвом...».

От крепости вновь шел вал. Его остатки прослеживаются на северо-восточной окраине села. Через 700 м он прерывается болотистой ложиной шириной в 1 км, образованной р. Шуструй, впадающей в р. Ломов. Это было одно из «проходных мест», известных в документах как «Козляцкий брод». Около него и заканчивалась Верхнеломовская черта. К началу 80-х гг. XVII в. ее укрепления составляли 71 версту 686 сажень, из них «засек старой и новой 30 верст 320 сажень»¹.

Нижнеломовская засечная черта.

От Шуструя вдоль левого берега р. Ломов и далее за р. Мокшу проходила Нижнеломовская черта. Ее укрепления составляли «28 верст 320 сажень», в том числе 9 верст 918 сажень занимали засеки. Это было очень опасное место, ибо от Козляцкого брода левобережьем Ломова через р. Нор-Ломов, левым берегом р. Мокши, шла Большая Нагайская (Ногайская) дорога.

Поскольку левобережье Ломова было в основном свободно от леса, здесь шли полевые укрепления, которые доходили до Нижнеломовской крепости. Сохранилось подробное описание крепости, произведенное в 1670 г. головой московских стрельцов Григорием Остафьевым.

Нижнеломовская крепость представляла в плане почти правильный прямоугольник. Крепостной вал венчали стены из дубовых срубов. Они возвышались на 9 м, состояли из двух этажей, имели амбразуры для пушек и пищалей. По углам и стенам крепости стояли башни. Некоторые из них достигали 22 м в высоту. В крепости размещались деревянная церковь, двор воеводы, съезжая изба, пороховой погреб, складские помещения, колодницкая. За стенами крепости, под горой, находились слободы пушкарей, стрельцов, пеших и конных казаков. Около ручья Гомайки и

современной базарной площади располагался посад. На запад и восток из города шли дороги. На запад дорога вела к Шацку, на восток – к Саратову. Уже в XVIII в. от крепостных сооружений города остались лишь вал со рвом.

Далее вал пролегал на северо-восток. К насыпи примыкали городки. Красный городок представлял неправильный пятиугольник площадью около 383 кв. м. Второй городок хорошей сохранности. Его площадь – 423 кв. м. В плане представляет пятиугольник, обращенный острием в «крымскую сторону». Этот городок имеет большое научное значение, ибо по нему можно судить о других разрушенных городках. На территории Прянерского пенькозавода находился третий городок. В 1957 г. его остатки были ликвидированы бульдозером. Заканчивалась Нижнеломовская черта засекой за р. Мокшей.

Инсаро-Потижская засечная черта. В «Наказе воеводе князю Ивану Кугушеву о приеме города Инсары у воеводы Ивана Языкова» 15 октября 7193 (1684) г. сказано, что эта черта шла от «ломовского рубежу и по другую сторону до саранского лесу и в саранский лес, до которых мест учинена засека»².

Черта в своем подавляющем большинстве проходила лесами и состояла из «засек». Ее основными центрами являлись г. Инсар и Потижский острог (ныне с. Усыкино Инсарского района Республики Мордовии). Первоначально, видимо, было две черты, затем они слились в одну. Она находилась в ведении инсарского воеводы.

На возвышенности при впадении р. Инсарки в р. Иссу стояла крепость. Описание ее дано в «Отписке воеводы Сербина о принятии города Инсара 25 апреля 7195 (1687) года» и в описи воеводы Березникова 1703 г. Стены были «тарасными», т.е. состоящими, в сущности, из двух стен, соединенных между собой поперечными бревнами – перегородками. Внутри них находились помост, лестницы. Крепость имела «8 башен, в том числе 2 проезжие, 4 наугольные, одна с тайником к реке...», была окружена рвом. Посад защищали сторожевые башни и надолбы. От укреплений около Инсара мало что осталось. Зато заметен вал у р. Иссы, между Инсаром и с. Вязера Инсарского района. Его длина 1637 м. Вал прерывается около с. Казеевка.

¹ Молодой ленинец. 1957. 11 сентября ; ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Ед. хр. 18912. Л. 17об; ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1167. Л. 14.

² Лебедев В. И. Легенда или быль... С. 60.

От Инсарской крепости черта шла на северо-восток «заповедным лесом» к р. Потиж, где стоял Потижский острог. Из документа 1687 г. видно, что в этом остроге было две «проезжих» и две «глухих» башни, «пушка медная, да пищаль затинная», «на башне вестовой колокол». В «казенном чулане» хранились порох, свинец, ядра. От «степной», неприятельской стороны острог защищался валом. «Да за валом... подле рву надолбы». «Да подле заповеднова лесу засеки по обе стороны Потижского острога...». В документе 1703 г. о Потуже сказано: «делан из дуба», а «мерою вкруг ево 200 сажен». Он имел одну проезжую башню. В остроге была «одна пищаль затинная» да «пороху с полпуда»¹. От Потижского острога на север и на юг отходили валы. Их участки сохранились до настоящего времени. Более выразителен «северный» вал. Остатки Потижского острога практически исчезли.

Потижская черта шла лесом на северо-восток и недалеко от с. Шишкеево Республики Мордовии соединялась с Саранской «засекой». На этом участке находились Кортляевский, Туляевский и Сухменский остроги. Попытку обнаружить их остатки в 1941 г. предприняла археологическая экспедиция под руководством С. П. Вернера. В отчете экспедиции отмечалось: «острогов обнаружить экспедицией не удалось»². Не удалось это сделать и нам. Причина понятна: раньше здесь стояли леса, полевых укреплений не было.

Где же заканчивалась черта?

По мнению Н. Калачева и В. Хохрякова, восточным рубежом был Шечкеевский острог, А. Хвощева – Потижский острог, М. Заднепровского – г. Саранск. Все эти предположения неточны. В росписи служилых людей засечных черт, находящихся в ведении приказа Казанского дворца за 1663 г., отмечено, что Саранск и

¹ НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Рукописный фонд. Отписка воеводы Сербина о принятии города Инсара. Оп. 1. Ед. хр. 116/518. Л. 14–18; ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 74–75 об.

² НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Рукописный фонд. Материалы археологической экспедиции. Л. 70–71; Вернер С. П. Засечная черта XVII века на территории Мордовии (Отчет археологической экспедиции 1940–1941 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 134/136. Л. 4.

Шечкеевский острог относились не к Инсарской, а к Саранской черте. Следовательно, место стыка черт надо искать между Шечкеевским и Потижским острогами. На основании описания Саранской черты 1680–1684 гг. И. Д. Воронин заключил, что Саранская и Инсарская черты соединялись «в районе современной железнодорожной станции Хованщина...»³.

Саранско-Атемарская засечная черта.

От Инсарской засеки на западе до р. Суры на востоке шли укрепления Саранско-Атемарской черты. В 1730 г. геодезист Иван Бровицын и ученик геодезиста Афанасий Сафонов нанесли ее на «Ландкарту Пензенской провинции». На карте черта обозначена линией: Шечкеевский (Шешкеевский) острог – Саранская крепость – Инзерский острог – Атемарский острог – Сурский острог.

Из описания черты конца XVII в. видно, что от Инсарской засеки на 6 верст 578 саженой шла Шечкеевская засека. Она состояла из «валежу и всяких засечных крепостей». Потом, с окончанием леса, до Шечкеевского острога были полевые укрепления. В плане Шечкеевский острог представлял квадрат. В документах сказано, что он был «дубовый, стоячий», окружен рвом шириной в 6–8 сажен, имел шесть башен: «в стенах две башни проезжие, наугольные 4 башни». В остроге находились пушка медная, запасы пороха, ядра. Уже в начале XVIII в. острог был «весь ветх»: «з башен верхи по облам погнили и обвалились». В настоящее время сохранились земляные основания двух угловых башен: северо-восточное и северо-западное.

От Шечкеевского острога в восточном направлении к Саранску шли полевые укрепления. В настоящее время вал прослеживается на расстоянии 518 м. Сохранилось и основание сторожевой башни. Оно находится в 280 м от начала вала и построено в виде пятиугольной площадки, направленной острием в сторону неприятеля.

³ Калачев Н. В. Заметки об Инсаре и его уезде // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. М., 1855. С. 15; Хвощев А. Л. Очерки по истории Пензенского края. С. 44; Ленинский путь. 1958. 11 июля; Веселовский С. Б. Сметы военных сил московского государства. 1661–1663. М., 1911. С. 51; Воронин И. Д. Саранск. С. 46; Труды ПУАК. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 45–49.

ля. Через 238 м к северо-востоку от башни вал и ров прерываются. Вероятно, отсюда и начинался лес, где шла засека¹.

От засеки до Саранской крепости (819 сажен) шли полевые укрепления. Здесь стояли три башни. Следы одной из них заметны около здания Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при правительстве Республики Мордовии.

Саранская крепость занимала территорию современного здания Министерства финансов Республики Мордовии, первой и шестой школ. Уже в 1703 г. Саранская крепость пришла в ветхость.

От городской стены Саранска на восток укрепления шли к р. Инсару. Они составляли такую цепочку: «стоячий острог» (7 сажен) – «тарасный вал» (50 сажен) – «проезжая башня» – вал (8 сажен) – р. Инсара. Ныне это застроенный участок г. Саранска от бывшего Дома Советов до железобетонного моста через р. Инсару. По сведениям И. Д. Воронина, остатки земляного основания проезжей башни заметны у шоссе между железнодорожным переездом и железобетонным мостом, устои которого лежат на валу².

От р. Инсары вал поднимался на возвышенность и через 898 сажен подходил к Инзерскому острогу. Крепость имела форму замкнутого квадрата с четырьмя башнями по углам и двумя проезжими.

От Инзерского острога до засеки шел вал с десятью башнями. В Инзерском лесу были «валеж», «надолбы». Они, конечно, не сохранились. Инзерскую засеку сменил Атемарский вал с восемью башнями³. На валу сохранились четыре земляных подбашенных основания.

Атемарский острог находился на высоком обрыве р. Атемарки, и в плане крепость представляла четырехугольник. По описанию 1703 г. острог был «стоячей, дубовый», имел пять башен: «в стенах четыре башни глухие, пятая проезжая с приездом от города Саранска».

¹ ЦГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Стб. 1167. Л. 21–26; Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 89 об. – 90; Воронин И. Д. Саранск. С. 46; Города и села Мордовии. Саранск, 1977. С. 285.

² ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 87–88. об.; Воронин И. Д. Саранск. С. 26–28; Записки Мордовского НИИ № 13. Саранск, 1951. С. 215.

От Атемарского острога до р. Суры проходил последний участок Саранско-Атемарской черты. Его оборонительные укрепления делятся на две части: от Атемара до леса, где шли полевые укрепления, и лесной участок с пролежавшей засекой до р. Суры. От Атемарской крепости вал шел в юго-восточном направлении. Его протяженность 3 км 36 м. Он имел пять башен, у четырех сохранились земляные основания. От Атемарского вала до р. Суры – засека. На «Ландкарте Пензенской провинции» 1730 г. этот лес значится: «Годный дубовый лес к корабельному строению».

Итак, на сравнительно небольшом (около 20 км) отрезке черты стояли Саранская крепость, Инзерский и Атемарский остроги; и в среднем через каждые 500–600 м – дозорные башни. Все это свидетельствовало о том, что данное место раньше было «проходным». И действительно, с верховий р. Суры сюда подходили ногайские дороги, которые перерезала Крымская.

Уже в XVIII в. укрепления Саранской черты рассматривались как достопримечательность края.

Пензенская засечная черта. В краеведческой литературе издавна укоренилось представление, что с постройкой Пензы в 1663 г. на север от города по Сурской долине была проведена оборонительная черта. Одним из первых это высказал П. Сумароков. Затем Н. В. Калачев, И. П. Бурлуцкий, В. Х. Хохряков, С. П. Петров и другие.³ Ими определялось, что «вниз по Суре» шла черта то ли до Саранска, то ли до Сурского острога, то ли до Атемара, то ли до Карсуна.

Как свидетельствуют документы, пространство к северу от Пензы представляло «дикое поле ковыла». Обстановка неотложно требовала охранных мер. Вот почему здесь, вдоль Саранской дороги, с постройкой Пензы были созданы поселения – слободы. Они вместе с бывшими мордовскими и татарскими поселениями детально описаны в «Строельной книге города Пензы». Из 13 поселений 11 являлись слободами, заселенными казаками (325 че-

³ Прогулка по 12 губерниям с историческими, статистическими замечаниями в 1838 году. СПб., 1839. С. 153; Калачев Н. В. Заметки об Инсаре и его уезде. С. 69; Хохряков В. Х. О сторожевых чертах. С. 11; Петров С. П. Пенза. Пенза: Пензенское издательство, 1955. С. 18.

ловек). Эти военные поселения составляли Пензенскую сторожевую линию. Некоторые краеведы и объявили эту линию «чертой», что, конечно, делать нельзя. Черта – это непрерывная линия полевых и лесных укреплений, сторожевая линия – цепочка военных поселений.

Таким образом, Пензенской черты 1663–1665 гг. от Пензы на север вдоль р. Суры не существовало. Вот почему она и не встречается ни в одном из документов XVII в.

Пензенская черта была возведена в 1676–1680 гг. и проходила по линии: озеро Долгое у р. Суры – крепость Пенза – Рамзаевский острог (ныне Рамзай) – крепость Мокшанск (Мокшан) – Мокшанский лес. Помимо полевых укреплений (валов, рвов, городков, сторожевых башен), сохранившихся, кстати, до сих пор, у населенных пунктов Мокшан, Рамзай и Пяша были и лесные – засеки в Мокшанском лесу, к западу и юго-востоку от крепости Пензы.

Черта начиналась от оз. Долгое у р. Суры и шла на северо-запад к р. Пензе. Еще в конце XIX в. здесь был замечен земляной вал. В работе Н. Горожанского «Материалы для археологии России по губерниям и уездам», изданной в 1884 г., говорится, что на этом участке при Терновке сохранился вал «длиною 500 саж., высотой 3 арш., шириною 4¹/₂ арш.». На валу стояла проезжая Саратовская башня.

От р. Пензы укрепления (засека, потом вал) шли к Шипин-бору. По изысканиям Г. В. Мясникова, этот участок черты представляется так. От р. Пензы, в лесу, который рос на месте улиц Индустриальной, Токарной, Металлистов, а также швейной фабрики им. Клары Цеткин, механического завода и автобазы коммунального хозяйства города шла «нижняя засека». Засеку сменял вал, где в районе Красной Горки стояла «проезжая Красная башня». Участок вала в 1890 г. описал краевед А. Пульхеров. Он отметил, что со стороны Митрофаньевского кладбища к Верхнему гулянию, ныне парку им. В. Г. Белинского, «находится в целости часть... вала. Здесь вал до 2-х саженой высоты со рвом и гребнем до 1,5 аршина ширины: вал порос довольно толстым лесом». Этот вал заметен и сейчас. От Тамбовской заставы он пролегает вдоль ул. Первомайской. По его гребню поставлена ограда городского зоопарка. На валу – вековые липы. Вал кончался у заповедного леса Глухой башней.

Через заповедный лес (5450 сажен) шла засека. Словом «засека» старожилы и поныне называют пригородный лес в сторону Арбеково. Данный лесопарк – памятник общероссийского значения, и его сохранность – неотложная задача пензенцев.

На стыке леса и степи стояла башня. Ее основание сохранилось у Панкратовской свинофабрики. От башни в северо-западном направлении к р. Рамзайке шел вал. Он четко прослеживался по линии: строящийся комбикормовый завод совхоза «Панкратовский» – железнодорожный разъезд Пяша – северо-восточная окраина пос. Пяша – с. Рамзай.

На возвышенном месте у р. Рамзайки стоял «Рамзаевский острог». Он был построен в 1678 г. В плане острог представлял четырехугольник, каждая сторона которого равнялась 57 сажням. И сейчас еще можно видеть основание этого укрепленного пункта.

От «Рамзаевского острога» вал идет в северо-западном направлении к р. Мокше. Здесь, на валу, стояли две сторожевые башни. Их земляные основания сохранились до сих пор.

На крутом берегу р. Мокши стояла крепость Мокшанск (Мокшан). Сохранилось ее описание, сделанное в 1703 г. мокшанским воеводой Петром Соловым. Из него следует, что крепость представляла в плане квадрат, имела шесть башен: четыре угловые и две проезжие, от одной выходила дорога на Инсар, от другой – на Пензу. В настоящее время территория крепости застроена, тем не менее следы вала заметны¹.

Куда идет вал далее от Мокшана? Большинство историков и краеведов ведут его к Нижнему Ломову. Так, И. Тихомиров в статье «К истории колонизации Пензенского края в XVII в.», опубликованной в 1909 г., писал: «Этот вал и засека, оче-

¹ Горожанский Н. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. М., 1884. С. 60; Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 136; Пензенские губернские ведомости. 1830. 30 мая; Еремин Г. Каким был древний Мокшан // Сельская правда. 1976. 13 апреля; Хохряков В. Х. О сторожевых чертах. С. 28; ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 18912. Л. 53; Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. III. М., 1788. С. 200, 201; ГАПО. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 6. Л. 93.

видно, шли от Пензы к Мокшану и далее к Н. Ломову».

Такое мнение ошибочное. Вал к Нижнему Ломову никогда не шел. Его направление от р. Мокши не западное, а северное – к Мокшанскому лесу. Этот участок вала сохранился до сих пор. Земляная насыпь со рвом идет по саду бывшего совхоза «Симбуховский» Мокшанского района Пензенской области и входит в Симбуховский лес Мокшанского лесничества. Местные жители называют вал «татарским»¹. О том, что Мокшанский вал сменяла «Мокшанская засека», свидетельствует следующая запись в мерных и межевых книгах саранской приказной избы воеводы Кондрата Булгака 15 июля 1681 г.: посланы люди «к новопостроенной черте от Мокшанской засеки». Мокшанская подходила к засеке 1647 г. Кругом были леса. Вот почему трудно определить место стыка новой черты со старой.

Продолжавшаяся в 1677–1681 гг. русско-турецкая война требовала повышенного внимания к оборонительным сооружениям на южной и юго-восточной окраинах Русского государства. В 1680 г. правительство распорядилось тщательно осмотреть все черты.

После проведенного осмотра были определены места починок засечных черт, а также было решено продолжить Пензенскую черту далее на восток, за р. Суру. Характеризуя местность восточнее Пензы, лица, производившие осмотр, писали: «А за рекою Сурою большой Сурский лес, а в нем черты и деревянных и земляных крепостей... не бывало, и ныне нет...»².

В 1681 г. на Налуевском городище поселились засечные сторожа из Саранской и Симбирской черт³. Были образованы русские слободы, которые стали одним из звеньев Пензенской черты. Это важный факт, ибо на всех исторических картах Налуево городище причислено к Сызранской черте, которой не существовало.

Сторожа жили в слободах 16 лет, а затем все до одного были переведены во

взятый русскими войсками Азов. Налуевские слободы обезлюдели. В 1699 г. земли засечных сторожей прибрал Новоспасский монастырь. Возникли новые слободы: Дмитриевское (Городище) и Богоявленское (Юлово), которые впоследствии слились в одно селение – Городище.

А были ли какие-либо полевые укрепления между Пензой и Налуевским городищем? Некоторые историки считают, что были. Так, А. Л. Хвоцев проводит их линией: Пенза – г. Городище – с. Юлово. Это мнение ошибочно. Между Пензой и Городищем в основном были леса. Следовательно, от Налуевского городища через Большой Сурский лес к Суре, где кончался вал Пензенской черты, шла засека.

Воровские засеки. В народных преданиях засечные черты часто связывают с именем Степана Разина. И не случайно. Как показывают документы, в 1670 г. они находились в руках повстанцев и являлись центрами крестьянской войны. В короткий срок ими были захвачены укрепленные пункты Симбирской, Карсунской, Атемарской, Саранской и Инсарской черт. Царю сообщалось, что разинцы хотят «иттить... по черте до Тамбова». Михаил Харитонов, сподвижник Разина, строго придерживался этого направления. Двигаясь по черте, он захватил Нижний Ломов, Верхний Ломов, Керенск. Из Керенска повстанческая армия пошла на Шацк. Аналогичная картина была и на черте от Тетюш до Кадома. Таким образом, за короткий срок все засечные черты от р. Волги до р. Цны оказались в руках повстанцев.

Показателем размаха Крестьянской войны явился и тот факт, что разинцы создали свои черты. В документах они именуется «воровскими засеками». Они охватывали большой лесной участок от р. Суры до р. Цны. Одна засека шла от г. Курмыш, стоящего при впадении р. Курмыш в р. Суру, по дороге на город Арзамас. В документе сказано, что 10–11 ноября 1670 г. царские «ратные люди» думного дворянина и воеводы Н. Левонтьева бились с повстанцами, «которые по Курмышской дороге сидели в крепостях, поделав шанцы и засеки». Каратели повстанцев «побили, и живых взяли 30-ти человек, и засеки и земляные крепости у тех воров разорили».

«Воровские засеки» шли также от Арзамаса к г. Темников. Следующая была на р. Ужовке. О ней «...Мишка Ильин

¹ Записано автором со слов Н. А. Агафонова 17 августа 1984 г. в совхозе «Симбуховский» Мокшанского района Пензенской области.

² ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 950. Ч. 4. Л. 243–245.

³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 159. Л. 30–36.

с пытки сказал: в Темникове де воровские люди стоят тысяч с 7 и больше, и засеки де у них засечены от Кадомы к Темникову на речке Ужовке в дву местах». Практически они пролегали через весь Кадомский лес. Как видно из документов¹, «воровские засеки» в Кадомском лесу меж Кадома и Темникова были «на Черной речке», правом притоке р. Цны; у «реки Варнавы», правом притоке р. Мокши; у с. Вознесенское, ныне Вознесенское Горьковской области, у р. Ужовки, притоке р. Мокши под Темниковом. Были «воровские засеки» и в Большом Ценском лесу, между Керенском и с. Конобеево.

В декабре 1670 г. «воровская шатость» по засечным чертам была ликвидирована. С лица земли были стерты целые селения. «А которые де, государь, деревень мордва с твоими... ратными людьми би-

лись, велел те деревни сжечь и воровские люди многие в тех деревнях сгорели», – цинично писал царю Ю. Долгоруков.

В итоге целые участки засечных черт оказались «в пустоте». Летом 1671 г. инсарский воевода Вышеславцев доносил царю, что казачьи службы татар и мордвы по засечным чертам находятся «в пустоте», что их «пашни залегли», а сами они «померли на твоей Государевой службе», детей у них не осталось, а другие, «покиня службы», сбежали в Пензенский, Ломовский и Саранский уезды².

Естественно, повстанческие засеки не сохранились. Но живет народная молва о них, запечатленная во многих легендах.

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. документов. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 307, 311, 332, 338, 368, 379, 415–417.

² Очерки истории Пензенского края. Саратов, 1973. С. 30.